

УТВЕРЖДЕН
постановлением Президиума
Верховного Суда
Российской Федерации
от 25 марта 2026 года № 5А/2026

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 1 (2026)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Споры, связанные с защитой права собственности
и других вещных прав

1. Довод о добросовестности приобретения земельного участка не является основанием для отказа в истребовании земель, передача которых в частную собственность не допускается.

Межрайонный природоохранный прокурор в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц обратился в суд с иском к Е. об истребовании принадлежащего ей земельного участка с внесением в Единый государственный реестр недвижимости (далее также – ЕГРН) записи о прекращении права собственности на него и части земельного участка с внесением в ЕГРН изменений в отношении его площади, а также сведений об ограничении в использовании.

Возражая против иска, ответчик просила применить исковую давность.

Судом установлено, что Е. является собственником двух земельных участков из состава земель населенных пунктов с видом разрешенного использования «для индивидуального жилищного строительства», приобретенных по договору купли-продажи у Н. в 2013 году.

По результатам проведенной в 2022 году межрайонной природоохранной прокуратурой Московской области проверки установлено, что спорные земельные участки расположены в границах береговой полосы, прибрежной защитной полосы, водоохранной зоны водного объекта – Клязьминского водохранилища, а также во втором поясе зоны санитарной охраны источников питьевого водоснабжения г. Москвы, в пределах 100-метровой полосы зоны санитарной охраны источников питьевого водоснабжения г. Москвы.

Специалистами МБУ «УГИО» проведены геодезические работы, по результатам которых подготовлена схема взаимного расположения земельных участков с указанием координат и площади выявленного пересечения.

Удовлетворяя требования межрайонного природоохранного прокурора, суд первой инстанции исходил из того, что земельные участки сформированы в нарушение действующего законодательства, поскольку в их границы включены части береговой полосы Клязьминского водохранилища.

Е. представленную прокурором схему взаимного расположения земельных участков с указанием координат и площади выявленного пересечения участков с береговой полосой поверхностного водного объекта не опровергла, при обсуждении вопроса о назначении по делу комплексной землеустроительной и гидрологической экспертизы от проведения экспертизы отказалась.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции указал, что на момент приобретения земельного участка ограничений по его гражданскому обороту не имелось, право собственности на земельный участок продавца не оспаривалось, было подтверждено государственной регистрацией права, в связи с чем ответчик является добросовестным приобретателем, а кроме того, прокурором пропущен срок исковой давности, о применении которой заявлено ответчиком.

С такими выводами суда апелляционной инстанции согласился и кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определения судов апелляционной и кассационной инстанций, как вынесенные с нарушением норм права, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Согласно пункту 4 статьи 1 Водного кодекса Российской Федерации (далее также – ВК РФ) под водным объектом понимается природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод в котором имеет характерные формы и признаки водного режима.

В соответствии с пунктом 6 статьи 6 ВК РФ полоса земли вдоль береговой линии (границы водного объекта) водного объекта общего пользования (береговая полоса) предназначается для общего пользования. Ширина береговой полосы водных объектов общего пользования составляет двадцать метров.

В границах водоохранных зон устанавливаются прибрежные защитные полосы, на территориях которых вводятся дополнительные ограничения хозяйственной и иной деятельности (пункт 2 статьи 65 ВК РФ).

Согласно пункту 8 статьи 27 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) запрещается приватизация земельных участков в пределах береговой полосы, установленной в соответствии с Водным

кодексом Российской Федерации, а также земельных участков, на которых находятся пруды, обводненные карьеры, в границах территорий общего пользования.

Аналогичные положения, содержащие запрет на приватизацию земельных участков общего пользования, занятых водными объектами, содержатся в пункте 12 статьи 85 ЗК РФ.

Запрет на переход в частную собственность таких земельных участков имеет большое значение и связан с необходимостью обеспечения их общедоступности.

Правила пункта 12 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) предусматривают, что к местам общего пользования относятся территории, которыми беспрепятственно пользуется неограниченный круг лиц (в том числе площади, улицы, проезды, набережные, береговые полосы водных объектов общего пользования, скверы, бульвары). Согласно части 1 статьи 8 ВК РФ водные объекты (за исключением прудов и обводненных карьеров, расположенных в границах земельных участков, принадлежащих на праве собственности субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, юридическому или физическому лицу) находятся в собственности Российской Федерации (федеральной собственности).

В нарушение установленного порядка спорные земельные участки сформированы за счет земель береговой полосы, которая является государственной собственностью. По результатам геодезических работ установлено, что границы спорных земельных участков имеют пересечения с границами береговой полосы водного объекта.

Не учтено судом апелляционной инстанции, кассационным судом общей юрисдикции и следующее.

В силу пункта 4 статьи 1 ГрК РФ водоохранные зоны и зоны санитарной охраны источников питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения относятся к зонам с особыми условиями использования территорий.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2008 г. № 2054-р Клязьминское водохранилище включено в перечень водоемов, использование водных ресурсов которых осуществляется для обеспечения питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения двух и более субъектов Российской Федерации.

Таким образом, формирование спорных земельных участков не только противоречит требованиям водного законодательства, но и нарушает закрепленное и гарантированное статьей 42 Конституции Российской Федерации и статьей 11 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» право на благоприятную окружающую среду и тем самым затрагивает экологические права неопределенного круга лиц.

Принимая во внимание, что данное нарушение выявлено в августе 2022 года, сведений о том, что Российской Федерации в лице

ее уполномоченных органов об этом нарушении было или должно быть известно ранее, не имеется, а в суд с иском межрайонный природоохранный прокурор обратился в декабре 2022 года, срок исковой давности не пропущен.

Довод о добросовестности приобретения не является основанием для отказа в истребовании земель, передача которых в частную собственность не допускается.

Определение № 4-КГПР25-48-К1

2. Прекращение права собственности на объект недвижимости в результате его гибели или уничтожения при наличии возникшего права на использование земельного участка, на котором он был расположен, не может служить безусловным основанием для признания договора купли-продажи объекта недвижимости недействительным.

Б. обратилась в суд с иском к Ф., К., В. о признании сделок недействительными и применении последствий их недействительности.

Как установлено судом, в соответствии с договором купли-продажи имущества от 30 апреля 2021 г., заключенным с администрацией городского поселения, Б. на праве собственности принадлежит земельный участок.

Ранее общество передало в собственность В. по договорам купли-продажи от 19 декабря 1995 г. нежилые строения, а также право постоянного (бессрочного) пользования этим же земельным участком, возникшее у данного общества на основании постановления главы местной администрации от 22 января 1993 г.

В соответствии с договором купли-продажи от 26 октября 2010 г., заключенным между В. и К., в собственность К. приобретены спорные нежилые помещения, расположенные на данном земельном участке.

На основании договора купли-продажи от 15 февраля 2011 г., заключенного между К. и Ф., право собственности на нежилые строения перешло к Ф.

Решением суда исковые требования удовлетворены. Признаны недействительными договор купли-продажи нежилых помещений, заключенный между В. и К. 26 октября 2010 г., и договор купли-продажи нежилых помещений от 15 февраля 2011 г., заключенный между К. и Ф., применены последствия недействительности сделок в виде исключения из ЕГРН записей о государственной регистрации прав Ф. в отношении спорного недвижимого имущества. Также указано, что решение является основанием для проведения регистрационных действий Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Росреестр).

Суд первой инстанции, разрешая спор, руководствовался статьями 167, 168, 552 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также – ГК РФ) и пунктами 1 и 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 11 и, установив, что у В.

и К. отсутствовало право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, который на момент совершения оспариваемой сделки находился в собственности Российской Федерации, а спорные объекты недвижимости (строения) имели значительный износ и не определены на местности, удовлетворил иск, в порядке последствий недействительности сделок исключив из ЕГРН запись о государственной регистрации прав Ф. на нежилые строения.

Суды апелляционной и кассационной инстанций согласились с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала судебные постановления вынесенными с нарушением подлежащих применению к спорным отношениям норм права в связи со следующим.

На основании статьи 37 Земельного кодекса РСФСР (1991), действовавшего в спорный период, при переходе права собственности на строение, сооружение или при передаче их другим предприятиям, учреждениям, организациям и гражданам вместе с этими объектами переходит и право пользования земельными участками. При этом выдается новый документ, удостоверяющий право на землю.

В абзаце третьем пункта 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» разъяснено, что, если недвижимость находится на земельном участке, принадлежащем продавцу на праве постоянного (бессрочного) пользования, а покупателю согласно статье 20 ЗК РФ земельный участок на таком праве предоставляться не может, последний как лицо, к которому перешло право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком в связи с приобретением здания, строения, сооружения (пункт 2 статьи 268, пункт 1 статьи 271 ГК РФ), может оформить свое право на земельный участок путем заключения договора аренды или приобрести его в собственность в порядке, предусмотренном пунктом 2 статьи 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации».

В соответствии со статьей 39 ЗК РФ, действующей в спорный период, при разрушении здания, строения, сооружения от пожара, стихийных бедствий, ветхости права на земельный участок, предоставленный для их обслуживания, сохраняются за лицами, владеющими земельным участком на праве постоянного (бессрочного) пользования или пожизненного наследуемого владения, при условии начала восстановления в установленном порядке здания, строения, сооружения в течение трех лет. Исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления, предусмотренные статьей 29 данного кодекса, вправе продлить этот срок.

Пунктом 4 статьи 287³ ГК РФ, введенным в действие с 1 сентября 2022 г., предусмотрено, что случайная гибель здания или сооружения, находящихся на чужом земельном участке, не влечет прекращения

указанного в пунктах 1 и 2 этой статьи права собственника этих здания или сооружения на земельный участок, если иное не предусмотрено законом или договором. Собственник погибших здания или сооружения имеет право на их восстановление в определяемом законом порядке.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2012 г. № 513-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Савченко Натальи Егоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 39 и пунктом 3 статьи 45 Земельного кодекса Российской Федерации» указано, что пункт 1 статьи 39 ЗК РФ предусматривает сохранение прав землепользователей и землевладельцев в случае разрушения здания, строения, сооружения в пределах разумного срока и направлен на защиту их интересов.

В соответствии с пунктом 3 статьи 45 ЗК РФ решение о прекращении прав на земельные участки в случаях, предусмотренных пунктом 2 данной статьи (то есть при принудительном прекращении права постоянного (бессрочного) пользования и права пожизненного (наследуемого) владения), принимается судом в соответствии со статьей 54 данного кодекса, за исключением случаев, установленных федеральными законами.

Кроме того, в период действия пункта 1 статьи 39 ЗК РФ (до 1 марта 2015 г.) для цели признания ответчиков землепользователями не установлены момент полного разрушения спорных зданий и момент истечения установленного законом срока для начала восстановления объектов.

В связи с этим юридически значимыми для разрешения спора являлись обстоятельства законности приобретения спорных зданий В. в 1995 году у общества и, как следствие, возникновения у покупателей прав на земельный участок, а также правовые основания прекращения ограниченного вещного права на земельный участок для цели заключения оспариваемых сделок.

Удовлетворяя иски, судебные инстанции не учли, что прекращение права собственности на объекты недвижимости в результате их гибели при наличии возникшего права на использование земельных участков не может служить безусловным основанием для признания сделки недействительной.

Одним из оснований прекращения права собственности на имущество, в том числе на недвижимость, в силу пункта 1 статьи 235 ГК РФ является гибель или уничтожение этого имущества.

В случае утраты недвижимостью свойств, позволяющих ей выступать в качестве объекта гражданских прав, в результате чего исключается возможность его использования в соответствии с первоначальным назначением, запись о праве собственности на это имущество не может быть сохранена в реестре по причине ее недостоверности.

Противоречия между правами на недвижимость и сведениями о них, содержащимися в реестре, в случае гибели или уничтожения такого объекта

могут быть устранены как самим правообладателем, так и судом по иску лица, чьи права и законные интересы нарушаются сохранением записи о правах собственности на это недвижимое имущество, при условии отсутствия иных законных способов защиты своих прав.

В соответствии с пунктом 78 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить сторона сделки, а в предусмотренных законом случаях также иное лицо (абзац первый пункта 3 статьи 166 ГК РФ).

Исходя из системного толкования пункта 1 статьи 1, пункта 3 статьи 166 и пункта 2 статьи 168 ГК РФ иск лица, не являющегося стороной ничтожной сделки, о применении последствий ее недействительности может также быть удовлетворен, если гражданским законодательством не установлен иной способ защиты права этого лица и его защита возможна лишь путем применения последствий недействительности ничтожной сделки.

В абзаце втором пункта 52 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – постановление Пленума № 10/22) отмечено, что оспаривание зарегистрированного права на недвижимое имущество осуществляется путем предъявления исков, решения по которым являются основанием для внесения записи в ЕГРН. В частности, если в резолютивной части судебного акта в том числе решен вопрос о применении последствий недействительности сделки в виде возврата недвижимого имущества одной из сторон сделки, то такое решение является основанием для внесения записи в ЕГРН.

Таким образом, судебные инстанции, применяя последствия недействительности сделок в виде исключения записи о государственной регистрации прав, не учли, что такое требование по своему характеру имеет целевую направленность и условия, в связи с чем должно рассматриваться аналогично способу защиты, указанному в пункте 52 постановления Пленума № 10/22, при этом иная формулировка требований с указанным способом защиты не влияет на материально-правовые цели Б.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 18-КГ24-338-К4

3. Обращению в доход Российской Федерации подлежит не только имущество, в отношении которого не подтверждена законность

происхождения доходов, направленных на его приобретение, но и доходы и имущество, приобретенные в ходе его реализации.

Прокурор в интересах Российской Федерации обратился в суд с иском к Л.Р., Л., Л.О., С.Л., С.Н., Л.Н., В., И., обществу о прекращении права собственности и об обращении в доход Российской Федерации недвижимого имущества, о взыскании в солидарном порядке денежных средств, эквивалентных стоимости проданного недвижимого имущества, в обоснование которого указал, что Л.Р. в период нахождения в должности главного врача ГБУЗ Ставропольского края «Городская клиническая больница» г. Пятигорска систематически получал взятки за содействие в заключении государственных контрактов на поставку больнице медицинских материалов и оборудования и за беспрепятственную их приемку, что подтверждено приговором суда, а полученные денежные средства вовлекал в хозяйственный оборот, заключая договоры на строительство объектов недвижимости и оформляя их как на себя, так и на своих родственников и иных доверенных лиц.

Подобным образом ответчики незаконно приобрели в собственность помещения в десяти построенных многоквартирных домах, часть из которых впоследствии продали.

В связи с нарушением Л.Р. законодательства о противодействии коррупции прокурор просил прекратить право собственности и обратить в доход Российской Федерации перечисленное в исковом заявлении и находящееся в собственности Л., С.Н. и Л.Н. недвижимое имущество путем передачи его Федеральному агентству по управлению государственным имуществом, взыскать с ответчиков Л., Л.Н. и С.Л. солидарно с Л.Р. в доход Российской Федерации денежные средства в размере стоимости проданного по договорам купли-продажи недвижимого имущества.

Судом установлено, что в период с января 2014 года по август 2021 года Л., Л.Н. и С.Л. осуществлено строительство десяти жилых домов в г. Минеральные Воды и Минераловодском городском округе с последующей реализацией расположенных в них квартир на протяжении восьми лет.

Разрешение на строительство первого объекта получено Л. в январе 2014 года, реализация квартир в данном многоквартирном доме началась в декабре 2014 года. В последующем разрешения на строительство девяти объектов оформлялись ответчиками Л.Н. и С.Л. после получения дохода от реализации предыдущего многоквартирного дома.

Согласно заключению проведенной по делу комплексной судебной строительной, бухгалтерской экспертизы стоимость затрат на создание второго многоквартирного дома менее дохода, полученного от реализации квартир в первом многоквартирном доме, в том числе и с учетом стоимости затрат на внутриплощадочные сети, благоустройство и озеленение территории.

Разрешая спор и отказывая прокурору в удовлетворении требований, суд первой инстанции исходил из того, что Л.Р. является единственным из указанных в иске ответчиков, на которого законом возложена обязанность по представлению декларации о доходах и расходах. Ответчики Л., С.Л., С.Н., Л.Н., В., И. к числу членов семьи Л.Р. не относятся, следовательно, не относятся к категории лиц, в отношении которых может осуществляться контроль за их расходами. К бывшей супруге Л.Р., с которой он состоял в браке до 2016 года, какие-либо материально-правовые требования прокурором не предъявлены. Представленные прокурором материалы, по мнению суда, не содержат объективных доказательств причастности Л.Р. к строительству объектов недвижимости.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Отменяя судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций в части, касающейся помещений в первом построенном многоквартирном доме, суд кассационной инстанции указал, что нижестоящими судами не установлены значимые для дела обстоятельства, не дана оценка всем доводам прокурора и представленным в обоснование заявленных требований доказательствам. В частности, суд первой инстанции не установил, кем фактически и на чьи денежные средства возводился первый многоквартирный жилой дом. В данной части выводы суда кассационной инстанции являются правильными и не оспариваются сторонами.

Оставляя судебные постановления суда первой и апелляционной инстанций в остальной части без изменения, суд кассационной инстанции исходил из того, что строительство второго и последующих жилых домов осуществлялось после получения дохода от реализации предыдущих, ранее построенных жилых домов, в связи с чем доход, полученный от продажи квартир в жилых домах со второго по десятый, не может рассматриваться как неподтвержденный с позиций норм Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – Закон о контроле за соответствием расходов).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала постановления судов вынесенными с существенным нарушением норм права, указав на следующее.

Согласно правовой позиции, содержащейся в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 26-П, по буквальному смыслу статьи 17 Закона о контроле за соответствием расходов взыскание в доход государства может быть обращено лишь на прямо указанное в ней имущество (недвижимость, транспортные средства, акции и т. д.). Это, как правило, дорогостоящее имущество, в отношении которого ведется учет, осуществляются регистрационные действия и принадлежность которого конкретному лицу определяется на основе данных о регистрации.

Вместе с тем в случае, когда имущество, в отношении которого не доказана законность происхождения доходов, направленных на его приобретение, было реализовано собственником с целью избежать применения соответствующих мер, а полученные от реализации указанного имущества средства фактически выступают его денежным эквивалентом, изъятие этих средств не может рассматриваться как свидетельствующее о расширительном толковании закона, на недопустимость которого применительно к установленным им мерам ответственности неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации (постановление от 27 мая 2008 г. № 8-П, определения от 8 февраля 2001 г. № 33-О, от 1 июня 2010 г. № 841-О-П и др.).

Следовательно, статья 17 Закона о контроле за соответствием расходов не препятствует обращению взыскания на денежные средства, полученные государственным (муниципальным) служащим и членами его семьи от реализации имущества, в отношении которого не подтверждена законность происхождения доходов, направленных на его приобретение, – иное истолкование являлось бы неоправданным и не согласующимся с конституционно значимыми целями законодательного регулирования в сфере противодействия коррупции допущением возможности уклонения государственного (муниципального) служащего от неблагоприятных последствий в виде изъятия имущества и с неизбежностью приводило бы к существенному снижению эффективности установленного федеральным законодателем правового регулирования вопреки его действительной воле.

В пункте 3 постановления от 31 октября 2024 г. № 49-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что, поскольку именно незаконное обогащение является конечной целью совершения деяния коррупционной направленности, государство обязано принимать такие меры, которые любую попытку достигнуть подобной цели делали бы бессмысленной и бесперспективной. Это согласуется с общими направлениями и принципами государственной антикоррупционной политики, включая перечисленные в статье 3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» принципы неотвратимости ответственности за совершение противоправных деяний коррупционной направленности, комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер, а также приоритетного применения мер по предупреждению коррупции (пункты 4–6). Иное способствовало бы коррупционному обогащению, легализации имущества, полученного в результате коррупционных деяний, в том числе путем преобразования его (доходов от него) в иное имущество, допускало бы беспрепятственный оборот такого имущества, не ставя тем самым надлежащих преград коррупционному поведению, а потому вступало бы в противоречие с требованиями части 2 статьи 4, части 1 статьи 7, части 2 статьи 15, части 3 статьи 17, части 1 статьи 19, части 1 статьи 35, статьи 52, части 3 статьи 55 и статьи 75¹ Конституции Российской Федерации.

Последующее превращение или преобразование имущества, приобретенного в нарушение антикоррупционных требований и запретов, и доходов от него в иное имущество посредством предпринимательской деятельности или же его реализации, в том числе приумножение такого имущества – будь то права участия в хозяйственных обществах, имущественные объекты, денежные средства и другие блага, – не исключают применения к такому имуществу мер, направленных на его обращение в доход государства.

Ограничение перечня объектов, подлежащих изъятию, лишь теми из них, которые приобретены во время занятия лицом, в отношении которого осуществляется проверка соблюдения антикоррупционного законодательства, публично значимой должности, при сохранении в его собственности либо же в собственности подконтрольных ему и связанных с ним лиц всего остального имущества, приобретение которого было бы невозможным без соответствующих коррупционных злоупотреблений, и с учетом того, что стоимость имущества, полученного в результате такого преобразования, может значительно превышать стоимость первоначально приобретенных благ, означало бы, по существу, возможность легализации незаконных доходов вопреки принципам противодействия коррупции и положениям части 1 статьи 1, статьи 2, части 1 статьи 3, статьи 8 и части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации.

Согласно приведенной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, содержащейся в постановлениях от 29 ноября 2016 г. № 26-П, от 31 октября 2024 г. № 49-П, обращению в доход Российской Федерации подлежит не только имущество, в отношении которого не подтверждена законность происхождения доходов, направленных на его приобретение, но и доходы и имущество, приобретенное в ходе его реализации. При этом последующее превращение или преобразование имущества, приобретенного в нарушение антикоррупционных требований и запретов, и доходов от него в иное имущество посредством предпринимательской деятельности или же его реализации, в том числе приумножение такого имущества, не исключают применения к такому имуществу мер, направленных на его обращение в доход государства.

При таких обстоятельствах вывод суда кассационной инстанции о том, что доход, полученный от продажи квартир в жилых домах со второго по десятый, не может рассматриваться как неподтвержденный, был сделан без учета указанной позиции Конституционного Суда Российской Федерации и подлежал проверке при рассмотрении дела.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 19-КГПР25-17-К5

Споры, связанные с исполнением договорных обязательств

4. Несоблюдение простой письменной формы договора купли-продажи автомобиля лишает стороны права ссылаться на свидетельские показания в подтверждение договора и его условий, однако не является основанием для признания его недействительным.

Автомобиль не может быть истребован у ответчика ни в порядке реституции, ни в порядке виндикации, если на момент разрешения спора он у него фактически отсутствует.

Г. обратилась в суд с иском к Д. о признании договора купли-продажи транспортного средства от 18 октября 2022 г. недействительным, применении последствий недействительности сделки, а также об истребовании транспортного средства из чужого незаконного владения. В обоснование иска Г. ссылаясь на то, что после дорожно-транспортного происшествия, произошедшего 1 августа 2021 г., она передала автомобиль вместе с паспортом на него во временное пользование Т., в том числе с целью ремонта, а когда решила вернуть его, то узнала, что он принадлежит Д. на основании договора купли-продажи. Данный договор она не заключала, денежные средства за транспортное средство не получала, подпись в договоре ей не принадлежит.

Решением суда исковые требования удовлетворены частично. Суд признал договор купли-продажи транспортного средства от 18 октября 2022 г. недействительным, в удовлетворении остальных требований отказал.

Апелляционным определением решение суда отменено в части отказа в удовлетворении требования о применении последствий недействительности сделки, в указанной части принято новое решение об удовлетворении требования о применении последствий недействительности сделки в виде возврата транспортного средства истцу. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Определением кассационного суда общей юрисдикции решение суда в неотмененной части и апелляционное определение оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, как вынесенные с нарушением норм права, дело направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Г. в части признания договора купли-продажи недействительным, суд первой инстанции, ссылаясь на заключение судебной экспертизы, исходил из того, что истец не подписывала договор купли-продажи от 18 октября 2022 г. С таким выводом согласился и суд апелляционной инстанции. Поскольку суд первой инстанции, отказывая в истребовании автомобиля у Д., признал установленным факт передачи автомобиля продавцом покупателю и факт

уплаты покупателем стоимости автомобиля, то выводы суда о недействительности договора, по существу, сводятся к несоблюдению простой письменной формы договора.

Между тем в соответствии с пунктом 1 статьи 162 ГК РФ несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства. В силу пункта 2 этой же статьи несоблюдение простой письменной формы сделки влечет ее недействительность лишь в случаях, прямо указанных в законе или в соглашении сторон.

Данные положения закона не были учтены ни судом первой, ни судом апелляционной инстанции.

Признав правильным названный выше вывод суда первой инстанции о недействительности договора вследствие несоблюдения его простой письменной формы, суд апелляционной инстанции указал и на необходимость применения последствий его недействительности в виде возврата автомобиля.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции подверг сомнению выводы суда первой инстанции об исполнении сторонами договора купли-продажи автомобиля, ссылаясь на показания свидетеля, данные им в суде первой инстанции, о том, что он возвратил Г. автомобиль вместе с паспортом транспортного средства, а также с подписанными ею 25 октября 2021 г. актом приема-передачи транспортного средства и распиской о получении денежных средств.

Кроме того, суд апелляционной инстанции сослался на представленные Г. в суд договор добровольного страхования автомобиля от 29 июня 2022 г. и акт его осмотра от 5 июля 2022 г. и указал, что истец расторгла договор страхования только после того, как ей стало известно о продаже автомобиля, а ответчик поставил автомобиль на учет только 18 октября 2022 г., спустя год после составления расписки об уплате денежных средств и акта приема-передачи автомобиля от 25 октября 2021 г., и не представил соответствующий договор обязательного страхования гражданской ответственности как владелец этого автомобиля. По мнению суда апелляционной инстанции, данные обстоятельства свидетельствуют о том, что автомобиль не был передан продавцом покупателю.

В соответствии с положениями статей 56, 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) определение имеющих значение для дела обстоятельств и вынесение их на обсуждение сторон является обязанностью суда, а оценка доказательств, хотя она и производится по внутреннему убеждению суда, не может быть произвольной, а должна основываться на исследовании всех доказательств как по отдельности, так и в совокупности, в их взаимной связи.

В силу абзаца второй части 1 статьи 327 ГПК РФ эти требования распространяются и на суд апелляционной инстанции.

Ссылаясь на то, что автомобиль продавцом покупателю не передавался, суд апелляционной инстанции не устранил противоречия между этим выводом и теми обстоятельствами, что автомобиль находится у ответчика, зарегистрирован за ним в Госавтоинспекции и сам же суд апелляционной инстанции постановил возвратить его истцу. При этом суд апелляционной инстанции не дал оценки ни расписке о получении денежных средств, ни акту приема-передачи с подписями истца, однако сослался на показания свидетеля о том, что бланки и автомобиль с документами он возвратил истцу.

Однако, если автомобиль оказался у ответчика не по сделке, суду апелляционной инстанции при разрешении требования о возврате автомобиля следовало обсудить вопрос о добросовестности приобретателя, поскольку в случае возмездного приобретения имущество может быть истребовано у добросовестного приобретателя, лишь если оно выбыло из владения как собственника, так и лица, которому собственник передал это имущество, помимо их воли (статья 302 ГК РФ).

Из содержания апелляционного определения усматривается, что суд апелляционной инстанции подразумевал передачу ответчику спорного автомобиля не истцом, а другим лицом, однако никаких конкретных обстоятельств и выводов об этом в апелляционном определении не содержится.

В период рассмотрения дела ответчик заявлял о продаже спорного транспортного средства другому лицу. Эти доводы не были проверены и исследованы судом.

Вместе с тем в соответствии с пунктом 2 статьи 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 32 постановления Пленума № 10/22, применяя статью 301 ГК РФ, суды должны иметь в виду, что собственник вправе истребовать свое имущество от лица, у которого оно фактически находится в незаконном владении. Иск об истребовании имущества, предъявленный к лицу, в незаконном владении которого это имущество находилось, но у которого оно к моменту рассмотрения дела в суде отсутствует, не может быть удовлетворен.

В случае, когда во время судебного разбирательства по иску об истребовании имущества из чужого незаконного владения спорное имущество было отчуждено ответчиком другому лицу, а также передано во владение этого лица, суд в соответствии с частью 1 статьи 41 ГПК РФ допускает замену ненадлежащего ответчика надлежащим. При этом отчуждатель привлекается к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, на стороне ответчика (статья 43 ГПК РФ).

Таким образом, индивидуально-определенная вещь не может быть истребована у ответчика ни в порядке реституции, ни в порядке виндикации, если на момент разрешения спора она у него объективно отсутствует.

В судебном заседании 27 ноября 2023 г. представитель истца указал, что, по сведениям из базы Госавтоинспекции, на 25 ноября 2023 г. спорное транспортное средство принадлежит другому собственнику, однако в удовлетворении ходатайства об истребовании таких сведений суд первой инстанции отказал.

В нарушение приведенных выше положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации данному обстоятельству суд апелляционной инстанции должной оценки с учетом пункта 1 статьи 223 ГК РФ о переходе права собственности на движимые вещи с момента их передачи не дал и в нарушение части 2 статьи 56 ГПК РФ соответствующие юридически значимые обстоятельства не определил.

Кроме того, ссылаясь на необходимость применения реституции, суд апелляционной инстанции вопреки положениям пункта 2 статьи 167 ГК РФ применил не двустороннюю, а одностороннюю реституцию, постановив возвратить автомобиль, не решив вопрос о возврате денежных средств, полученных по расписке, но и не сделав выводов о ее недействительности или безденежности.

Определение № 41-КГ25-20-К4

5. Покупатель, осведомленный о наличии прав третьих лиц на предмет купли-продажи и, несмотря на это, заключивший договор, в случае последующего изъятия данной вещи не вправе требовать от продавца возмещения причиненных этим убытков.

Б. обратился в суд с иском к К. о расторжении договора купли-продажи, взыскании денежных средств, указав, что приобрел у ответчика автомобиль. Цена транспортного средства по договору была определена сторонами в размере 200 000 руб., однако им продавцу уплачены 775 000 руб. По устной договоренности данные денежные средства должны были быть направлены на погашение автокредита К. в банке, в залоге у которого находится указанный автомобиль как приобретенный с использованием заемных средств. Данное обязательство К. не выполнено. Полагая, что действиями ответчика нарушены его права как приобретателя автомобиля, поскольку допущенное нарушение договора влечет для истца такой ущерб, что он в значительной степени лишается того, на что был вправе рассчитывать при заключении договора, истец просил расторгнуть договор купли-продажи автомобиля, взыскать с К. в его пользу уплаченные по договору денежные средства в размере 775 000 руб., а также возмещение расходов по уплате государственной пошлины.

Разрешая спор и удовлетворяя требования Б., суд первой инстанции исходил из того, что ответчиком существенно нарушены условия договора, заключенного с истцом, а именно не выполнено обязательство о погашении

залога, установленного в отношении предмета данного договора, в связи с чем пришел к выводу об удовлетворении иска.

Суд апелляционной инстанции с выводами суда первой инстанции не согласился и, указав, что доказательств неисполнения ответчиком условий заключенного между сторонами договора не представлено, при этом условия о направлении полученных за автомобиль денежных средств на погашение кредита договор купли-продажи не содержит, решение суда отменил с вынесением нового решения об отказе в удовлетворении иска.

Отменяя апелляционное определение, суд кассационной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции о нарушении ответчиком устной договоренности с истцом, дополнительно указав, что устная сделка предполагает ее одновременное заключение и исполнение, не совершенное ответчиком, что не было учтено судом апелляционной инстанции, и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала постановление кассационного суда общей юрисдикции вынесенным с нарушением норм процессуального права, отменила его и направила дело на новое кассационное рассмотрение в тот же кассационный суд общей юрисдикции, указав на следующее.

Исходя из норм статьи 379⁶, части 1 статьи 379⁷, части 3 статьи 390 ГПК РФ и разъяснений, содержащихся в пункте 36 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», суд кассационной инстанции, проверяя законность судебных постановлений, вправе дать оценку полноте установления нижестоящими судами обстоятельств дела и исследования собранных доказательств, правильности примененного закона и соблюдению процессуальных прав сторон.

Оценка доказательств не относится к компетенции суда кассационной инстанции, а несогласие с данными судами первой и апелляционной инстанций оценкой доказательств и с их выводами об установленных на основе оценки доказательств обстоятельствах дела не является основанием для кассационного пересмотра судебных постановлений.

По этой причине, если нижестоящие суды пришли к противоположным выводам на основании установленных обстоятельств дела и представленных доказательств, суд кассационной инстанции не может отдать предпочтение сделанным одним из судов выводам, поскольку для этого необходимо было бы произвести собственную оценку доказательств и обстоятельств дела, что является нарушением императивного запрета, содержащегося в части 3 статьи 390 ГПК РФ. Оценивая условия заключенного между сторонами договора, суд кассационной инстанции данные положения закона не учел.

В чем заключается неприменение закона, подлежащего применению, применение закона, не подлежащего применению, или неправильное истолкование закона судом апелляционной инстанции, что в соответствии

с частью 1 статьи 379⁷ ГПК РФ является основанием к отмене судебного акта, судебной коллегией кассационного суда общей юрисдикции не указано. Какие действия и выводы нижестоящего суда противоречат требованиям статьи 67 ГПК РФ, устанавливающей правила оценки доказательств, суд кассационной инстанции также не указал.

Вместе с тем, как отметила Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, форма договора представляет способ выражения воли контрагентов на заключение договора и его содержание.

Из норм статьи 158, пункта 1 статьи 160, пунктов 1 и 2 статьи 434 ГК РФ следует, что договор должен быть заключен в какой-либо одной форме по выбору контрагентов, возможности заключения одной сделки или одного договора одновременно в нескольких формах закон не предусматривает.

С учетом того что договор купли-продажи между сторонами заключен в письменной форме, а обещание направить денежные средства на погашение кредита дано в устной форме, суду кассационной инстанции следовало проверить, каким из нижестоящих судов при разрешении спора дано верное толкование закона, что входит в обязанности и компетенцию суда кассационной инстанции и чего сделано не было.

Из пункта 1 статьи 460 ГК РФ следует, что покупатель лишен права требовать уменьшения цены товара или расторжения договора, например, при наличии у третьего лица права залога на проданную вещь, если покупатель знал или должен был знать о соответствующей проблеме, с которой он может столкнуться после получения вещи.

По смыслу данной нормы покупатель, осведомленный об особых обстоятельствах, предшествовавших купле-продаже и способных привести к отобранию у него вещи, и, несмотря на это, заключивший договор, при последующей виндикации данной вещи или ином ее полном или частичном изъятии по соответствующему правовому основанию не вправе требовать от продавца возмещения возникших убытков. Это обусловлено тем, что по такой сделке покупатель, по сути, намеревается приобрести лишь тот статус, который в отношении вещи фактически имеет продавец, в полной мере осознавая отсутствие гарантий незыблемости получаемого им статуса. В связи с этим цена подобной сделки, как правило, значительно ниже рыночной стоимости вещи (дисконт пропорционален вероятности изъятия имущества).

Продавец, передавая негарантированный статус и вещь за оговоренную цену, исполняет принятое по сделке обязательство. В свою очередь, покупатель, решивший заключить договор на таких условиях в надежде сохранить вещь у себя, принимает на себя риск ее отобрания третьим лицом.

Судами установлено и не оспаривалось сторонами, что Б. на момент заключения договора купли-продажи и последующей оплаты стоимости транспортного средства знал о наличии залога на автомобиль, в тексте договора купли-продажи от 22 августа 2023 г. не предусмотрено условие

об обязанности К. погасить свои обязательства перед банком за счет денежных средств, полученных по данному договору, что в соответствии пунктом 2 статьи 460 ГК РФ лишает истца права требовать расторжения договора.

Приведенные выше обстоятельства и норма закона судом кассационной инстанции учтены не были.

Оставляя в силе решение суда первой инстанции, признав его законным и обоснованным, суд кассационной инстанции не учел то обстоятельство, что нижестоящим судом был разрешен спор о праве собственности на автомобиль, являющийся предметом залога, однако залогодержатель (банк) к участию в деле привлечен не был.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала постановление кассационного суда общей юрисдикции незаконным.

Определение № 19-КГ25-5-К5

6. Наличие нескольких одновременно действующих договоров страхования, предусматривающих одинаковые страховые риски, не может служить основанием для отказа в выплате страхового возмещения.

Ш. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения, штрафа, процентов за пользование чужими денежными средствами, компенсации морального вреда, указав в обоснование, что 16 мая 2019 г. между ним и страховой компанией заключен договор страхования от несчастных случаев сроком действия с 17 мая 2019 г. по 16 мая 2020 г. В период действия договора страхования истец получил травму, был госпитализирован в медицинское учреждение, прооперирован. Обращение Ш. о выплате страхового возмещения ответчиком оставлено без рассмотрения.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Ш., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что истцом доказательств, подтверждающих причинение вреда здоровью по заявленному событию, произошедшему 27 июня 2019 г., не представлено, в связи с чем заявленное событие страховым случаем не является, правовые основания для удовлетворения исковых требований о взыскании с ответчика страхового возмещения, а также производных требований о взыскании процентов за просрочку выплаты страхового возмещения, компенсации морального вреда, штрафа отсутствуют.

Признав по существу решение суда об отказе в иске правильным, суд апелляционной инстанции дополнительно указал, что для разрешения данного спора имеют преюдициальное значение обстоятельства, установленные апелляционным определением от 8 июня 2022 г., которым с другого страховщика в пользу Ш. взыскано страховое возмещение

по страховому случаю, имевшему место 27 июня 2019 г., где страховая компания (ответчик по делу) являлась третьим лицом.

Суд апелляционной инстанции также указал, что независимо от наличия у Ш. нескольких десятков полисов страхования страховой случай по каждому из них являлся единственным, ввиду чего получение им максимальной страховой выплаты по страховому случаю исключает наличие у страхователя имущественного интереса в объекте страхования. Так, после выплаты страхователю в связи с наступлением страхового случая страхового возмещения имущественный интерес страхователя, связанный с причинением вреда здоровью и основывающийся на конкретном страховом случае, является удовлетворенным, а следовательно, исключает получение страхового возмещения по каждому из договоров добровольного личного страхования.

С такими выводами согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Согласно пункту 1 статьи 2 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-І «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее – Закон об организации страхового дела) страхование – отношения по защите интересов физических и юридических лиц при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков.

В соответствии с пунктом 2 статьи 4 Закона об организации страхового дела объектами страхования от несчастных случаев и болезней могут быть имущественные интересы, связанные с причинением вреда здоровью граждан, а также с их смертью в результате несчастного случая или болезни (страхование от несчастных случаев и болезней).

В силу пунктов 1 и 2 статьи 9 названного закона страховым риском является предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование.

Страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам.

При осуществлении личного страхования страховая выплата (страховая сумма) производится страхователю или лицу, имеющим право на получение страховой выплаты (страховой суммы) по договору страхования, независимо от сумм, причитающихся им по другим договорам страхования, а также по обязательному социальному страхованию, социальному обеспечению и в порядке возмещения вреда (пункт 6 статьи 10 Закона об организации страхового дела).

В силу пункта 1 статьи 934 ГК РФ по договору личного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию), уплачиваемую другой стороной (страхователем), выплатить единовременно или выплачивать периодически обусловленную договором сумму (страховую сумму) в случае причинения вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре гражданина (застрахованного лица), достижения им определенного возраста или наступления в его жизни иного предусмотренного договором события (страхового случая).

Право на получение страховой суммы принадлежит лицу, в пользу которого заключен договор.

Подпунктом 2 пункта 2 статьи 942 ГК РФ предусмотрено, что при заключении договора личного страхования между страхователем и страховщиком должно быть достигнуто соглашение о характере события, на случай наступления которого осуществляется страхование (страхового случая).

В соответствии с пунктом 1 статьи 943 ГК РФ условия, на которых заключается договор страхования, могут быть определены в стандартных правилах страхования соответствующего вида, принятых, одобренных или утвержденных страховщиком либо объединением страховщиков (правилах страхования).

Из приведенных положений закона в их системной взаимосвязи следует, что действующее гражданское законодательство ограничений по количеству заключаемых одним лицом договоров страхования жизни и здоровья не содержит, в связи с чем наличие нескольких одновременно действующих договоров страхования, предусматривающих одинаковые страховые риски, не может служить основанием для отказа в выплате страхового возмещения.

Каждый из договоров страхования является самостоятельным, каких-либо обстоятельств, препятствующих их исполнению в случае наступления страхового случая, не имеется, вследствие чего выводы суда апелляционной инстанции о том, что после выплаты страхователю в связи с наступлением страхового случая страхового возмещения имущественный интерес страхователя, связанный с причинением вреда здоровью и основывающийся на конкретном страховом случае, является удовлетворенным, а следовательно, исключает получение страхового возмещения по каждому из договоров добровольного личного страхования, являются необоснованными.

Определение № 5-КГ25-17-К2

Споры, связанные с причинением вреда

7. Презумпция вины причинителя вреда в гражданско-правовых отношениях не освобождает истца, требующего возмещения вреда, от доказывания обстоятельств, на которые он ссылается в обоснование

своих требований. При этом истец не может быть лишен права на возмещение вреда на том основании, что не может доказать его точный размер.

Ю., К.В., Б., К.С. обратились в суд с иском к К., потребительскому кооперативу судовладельцев – любителей маломерного флота (далее – потребительский кооператив) о возмещении ущерба, причиненного пожаром.

Судом по делу установлено, что в результате произошедшего 20 июня 2020 г. в потребительском кооперативе пожара принадлежащие истцам строения, состоящие из лодочных гаражей и комнат отдыха с личным имуществом и представляющие собой быстровозводимые металлические домики, предназначенные для рыбалки, уничтожены. По результатам проведенной по факту пожара проверки, а также дополнительных проверок выносились процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции сослался на то, что в результате проведенной органами предварительного расследования проверки чья-либо вина в возникновении пожара не установлена, в возбуждении уголовного дела отказано. Кроме того, суд указал на отсутствие доказательств принадлежности истцам имущества, за которое они требуют возмещения, поскольку право собственности истцов на сгоревшие строения в ЕГРН зарегистрировано не было.

С выводами суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций ошибочными по следующим основаниям.

Отказывая в удовлетворении иска по мотиву неустановления чьей-либо вины при проведении проверки органами предварительного расследования и по мотиву отказа в возбуждении уголовного дела, суд первой инстанции не учел, что в отличие от уголовного преследования, основанного на презумпции невиновности (статья 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК РФ), в гражданско-правовых отношениях по возмещению ущерба установлена презумпция вины причинителя вреда (пункт 2 статьи 1064 ГК РФ), который освобождается от возмещения вреда, только если докажет свою невиновность. При этом привлечение причинителя вреда к уголовной, административной, дисциплинарной или иной ответственности, а также возбуждение уголовного дела или дела об административном правонарушении обязательными условиями для возмещения ущерба на основании статей 15 и 1064 ГК РФ не являются.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской

Федерации» разъяснено, что по делам о возмещении убытков истец обязан доказать то, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков (абзац первый пункта 12).

Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство (пункт 2 статьи 401 ГК РФ). По общему правилу лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (пункт 2 статьи 1064 ГК РФ). Бремя доказывания своей невиновности лежит на лице, нарушившем обязательство или причинившем вред. Вина в нарушении обязательства или в причинении вреда предполагается, пока не доказано обратное (абзац третий пункта 12).

По данному делу установлено, что потребительский кооператив (ответчик) создан 26 марта 1986 г., дата присвоения основного государственного регистрационного номера – 30 декабря 2002 г. Основным видом деятельности этой некоммерческой организации является удовлетворение потребностей граждан и юридических лиц в приобретении и строительстве лодочных станций с лодочными гаражами за счет собственных и привлеченных средств для размещения транспортных средств – маломерных судов, лодок (пункт 2.1 Устава потребительского кооператива, утвержденного общим собранием, протокол от 5 декабря 2022 г. № 25).

Правила противопожарной безопасности потребительского кооператива и инструкция о мерах противопожарной безопасности утверждены приказом председателя правления данного кооператива от 23 октября 2019 г.

Согласно заключению экспертизы, проведенной в ходе предварительного расследования на основании постановления дознавателя, очаг пожара располагался внутри строения № 7, в его западной части, на уровне опорной поверхности, наиболее вероятной причиной возникновения пожара могло послужить возгорание горючей нагрузки, расположенной в очаге пожара, при контакте с источником зажигания электротехнического происхождения.

В исследовательской части экспертного заключения указано, что возгорание первоначально возникло и развивалось внутри строения № 7 при закрытой двери строения в отсутствие каких-либо признаков постороннего проникновения внутрь, а также признаков наличия легковоспламеняющихся и горючих жидкостей, при этом отмечено, что ввод электричества внутрь данного строения осуществлялся силовым проводом с алюминиевыми жилами и не исключено нахождение под напряжением электрического провода, ведущего к электрическому счетчику.

Поскольку строение № 7, внутри которого возник пожар, как установлено судом, принадлежало К., то в силу приведенных выше положений пункта 2 статьи 1064 ГК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации обязанность доказать отсутствие своей вины

при указанных выше обстоятельствах должна быть возложена на него, чего судом сделано не было.

Доводы о существовавших в потребительском кооперативе нарушениях правил пожарной безопасности (несоответствие ширины проездов для пожарной техники установленной норме, отсутствие или недостаток средств пожаротушения и т. д.) при установлении таких фактов и наличии их причинной связи с увеличением размера ущерба могли являться основанием не для освобождения от ответственности причинителя вреда, а для привлечения потребительского кооператива к долевой ответственности в размере, определенном судом.

Ссылаясь на недоказанность размера ущерба, суд первой инстанции не учел разъяснения, изложенные в абзаце втором пункта 12 названного выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 о том, что размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу пункта 1 статьи 15 ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Не подвергая сомнению факт уничтожения пожаром принадлежавших истцам строений и находящегося в них имущества, суд в нарушение приведенных разъяснений не признал за ними права на возмещение ущерба. Доводы суда об отсутствии регистрации названных помещений в ЕГРН в качестве объектов недвижимого имущества как обоснование для отказа в возмещении ущерба не основаны на законе.

Согласно статье 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

В силу пункта 1 статьи 130 названного кодекса к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. Согласно пункту 2 этой же статьи вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом. Регистрация прав на движимые вещи не требуется, кроме случаев, указанных в законе.

Из установленных судом обстоятельств следует, что уничтоженные пожаром строения являлись металлическими, быстровозводимыми,

а следовательно, допускали их свободное перемещение без несоразмерного ущерба. При таких обстоятельствах данные сооружения не относились к недвижимому имуществу, право собственности на них не подлежало регистрации в ЕГРН, на их возведение и ввод в эксплуатацию не требовалось получения разрешений.

Кроме того, и при установлении самовольного строительства объектов недвижимости это обстоятельство не является безусловным основанием для освобождения причинителя вреда от ответственности за возмещение ущерба, причиненного уничтожением (повреждением) материалов, которые могли быть получены при сносе (разборке) этих объектов, а также уничтожением находящегося в них имущества.

Суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции допущенные судом первой инстанции нарушения не устранили.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 18-КГ24-430-К4

Споры, связанные с защитой трудовых и социальных прав

8. Излишне выплаченная работнику работодателем заработная плата подлежит возврату как неосновательное обогащение в случае, если переплата произошла в результате счетной ошибки, допущенной при проведении арифметических подсчетов сумм, подлежащих выплате работнику, в том числе при введении в компьютерную программу, используемую работодателем для расчета заработной платы, сведений о количестве отработанных работником периодов.

Общество обратилось в суд с иском к Ш. о взыскании неосновательного обогащения, ссылаясь на положения статьи 137 ТК РФ и подпункта 3 статьи 1109 ГК РФ.

В обоснование требований истец указывал, что Ш. состоял в трудовых отношениях с обществом на основании трудового договора, работал в должности старшего охранника. В октябре 2023 года за отработанное время (10,64 смены) по тарифной ставке начисленная заработная плата, подлежащая выплате Ш. за вычетом аванса, составила 10 570,98 руб.

3 ноября 2023 г. работнику Ш. в качестве оставшейся части заработной платы за октябрь 2023 года работодателем ошибочно перечислена и выплачена сумма в размере 1 814 880,35 руб., в результате чего Ш. в отсутствие надлежащих оснований получил денежные средства в размере 1 804 309,37 руб.

Согласно объяснительной записке главного бухгалтера общества в результате счетной ошибки, допущенной при вводе данных ведущим

специалистом общества по заработной плате в компьютерную программу для начисления заработной платы работнику Ш. (вместо отработанного Ш. количества рабочих смен – 10,64 (согласно табелю учета рабочего времени) в программу было введено количество рабочих смен – 1064), заработная плата была рассчитана программой неверно.

В добровольном порядке денежные средства Ш. работодателю не возвратил. Ш. отказался от ознакомления с уведомлением работодателя с просьбой о возврате ошибочно перечисленных ему денежных средств. Приказом генерального директора общества от 6 декабря 2023 г. трудовой договор с Ш. расторгнут по пункту 3 части первой статьи 77 ТК РФ (по инициативе работника).

Разрешая спор, суд первой инстанции пришел к выводу об удовлетворении исковых требований общества, поскольку исходил из того, что излишне начисленные и выплаченные работнику Ш. работодателем денежные средства в размере 1 804 309,37 руб. являются неосновательным обогащением, подлежащим взысканию с Ш., в связи с наличием счетной ошибки при расчете его заработной платы. Правовых оснований для получения спорных денежных средств от работодателя у Ш. не имелось.

Суд первой инстанции указал, что непроставление запятой при вводе работником общества данных в компьютерную программу при расчете заработной платы Ш. привело к неверному математическому подсчету, что свидетельствует о допущенной работодателем счетной ошибке. Доказательств обратного Ш. суду первой инстанции не представлено и судом первой инстанции не установлено.

Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменения.

Кассационный суд общей юрисдикции отменил решение суда первой инстанции и апелляционное определение суда апелляционной инстанции, дело направил на новое рассмотрение в суд первой инстанции, сославшись на то, что введение работником общества в компьютерную программу при расчете заработной платы Ш. неправильных сведений о количестве отработанных Ш. смен является не счетной ошибкой, а технической ошибкой со стороны лица, производившего начисление заработной платы Ш.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, проверяя законность постановления кассационного суда общей юрисдикции, признала его вынесенным с существенным нарушением норм материального и процессуального права, указав следующее.

Частью первой статьи 132 и частью первой статьи 135 ТК РФ предусмотрено, что заработная плата каждого работника зависит от его квалификации, сложности выполняемой работы, количества и качества затраченного труда. Заработная плата работнику устанавливается трудовым договором в соответствии с действующими у данного работодателя системами оплаты труда.

В соответствии с частью четвертой статьи 137 ТК РФ заработная плата, излишне выплаченная работнику (в том числе при неправильном применении трудового законодательства или иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права), не может быть с него взыскана, за исключением следующих случаев: счетной ошибки; если органом по рассмотрению индивидуальных трудовых споров признана вина работника в невыполнении норм труда (часть третья статьи 155 ТК РФ) или простое (часть третья статьи 157 ТК РФ); если заработная плата была излишне выплачена работнику в связи с его неправомерными действиями, установленными судом.

Нормативные положения части четвертой статьи 137 ТК РФ согласуются с подпунктом 3 статьи 1109 ГК РФ, которым установлены ограничения для возврата в виде неосновательного обогащения заработной платы и приравненных к ней платежей, пенсий, пособий, стипендий, возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, алиментов и иных денежных сумм, предоставленных гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 11 января 2022 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 ГК РФ в связи с жалобами граждан А.П. Кузьмина и Г.Т. Умарсаидова» обратил внимание на то, что действующее законодательство не содержит определения понятия «счетная ошибка». В правоприменительной практике в качестве таковой, как правило, понимается ошибка, допущенная при проведении арифметических подсчетов сумм, причитающихся к выплате. При этом в судебной практике по спорам о взыскании с работников (в том числе после увольнения) сумм, излишне выплаченных им работодателем, суды исходят из того, что в качестве счетной ошибки не могут рассматриваться допущенные работодателем технические ошибки (включая двойное перечисление денежных средств за один и тот же период), а также ошибки в применении работодателем норм закона при исчислении работнику заработной платы, различных гарантийных и компенсационных выплат.

Приведенные выше нормы ТК РФ и ГК РФ о неосновательном обогащении кассационным судом общей юрисдикции применены неправильно.

Ссылаясь на то, что введение в компьютерную программу при расчете заработной платы Ш. сведений о количестве отработанных им смен является не счетной ошибкой, а технической ошибкой со стороны лица, производившего начисление заработной платы Ш., кассационный суд общей юрисдикции не указал, что следует понимать под «технической ошибкой» и чем такая техническая ошибка отличается от счетной ошибки.

Вместе с тем согласно действующему правовому регулированию отношений об ограничении удержаний работодателем из заработной платы работника денежных средств и о неосновательном обогащении заработная

плата, излишне выплаченная работнику, может быть с него взыскана, если такая выплата явилась результатом недобросовестности со стороны работника или счетной ошибки. Счетной ошибкой считается, в частности, арифметическая ошибка, то есть ошибка, допущенная при проведении арифметических подсчетов сумм, подлежащих выплате, в том числе при введении работником организации в компьютерную программу, используемую работодателем для расчета заработной платы работника, сведений о количестве отработанных работником периодов, отличающемся от количества фактически отработанных работником периодов (количества затраченного труда работника).

Именно из такого понимания счетной ошибки с учетом установленных по делу юридически значимых обстоятельств, касающихся условий оплаты труда работника Ш., определенных трудовым договором и локальным актом работодателя, и данной этим обстоятельствам надлежащей правовой оценки исходили суды первой и апелляционной инстанций, удовлетворяя иски о взыскании с Ш. неосновательного обогащения.

Делая вывод о том, что непроставление запятой в показателе, отражающем количество отработанных работником Ш. смен, при вводе данных работником общества в компьютерную программу для расчета заработной платы Ш. привело к ошибочному математическому подсчету размера его заработной платы за октябрь 2023 года (1 814 880,35 руб. вместо 10 570,98 руб.), суды первой и апелляционной инстанций, руководствуясь положениями подпункта 3 статьи 1109 ГК РФ, признали в связи с этими обстоятельствами сумму 1 804 309,37 руб. неосновательным обогащением, полученным Ш. от работодателя в результате счетной ошибки.

Эти юридически значимые обстоятельства были оставлены без внимания кассационным судом общей юрисдикции ввиду неправильного понимания правового регулирования спорных отношений.

С учетом изложенного суждение кассационного суда общей юрисдикции о том, что судами не дана оценка доводам Ш., что начисление и выплата работодателем ему спорных денежных средств является технической ошибкой работодателя, свидетельствует о нарушении судом кассационной инстанции части 3 статьи 390 ГПК РФ (кассационный суд общей юрисдикции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции), поскольку им допущена переоценка установленных судами первой и апелляционной инстанций обстоятельств, связанных с начислением и выплатой Ш. работодателем заработной платы за октябрь 2023 года.

Кроме того, кассационным судом общей юрисдикции не приняты во внимание дальнейшие действия работника Ш. после получения от работодателя денежных средств, многократно превышающих его ежемесячную заработную плату, а именно отказ Ш. от ознакомления с уведомлением работодателя с просьбой о возврате ошибочно перечисленных ему денежных средств и расторжение Ш. с работодателем

(в течение месяца после получения им от работодателя спорных денежных средств) трудового договора по инициативе работника.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала незаконными и отменила определение кассационного суда общей юрисдикции, последующее решение суда первой инстанции и оставила в силе первоначальное решение суда первой инстанции и апелляционное определение суда апелляционной инстанции.

Определение № 46-КГ25-8-К6

9. Члены семьи умершего сотрудника органов внутренних дел имеют право на постановку на учет для получения единовременной социальной выплаты, если действия по отчуждению принадлежавших сотруднику или членам его семьи жилых помещений (частей жилых помещений) в течение пяти лет до его смерти не были умышленным ухудшением жилищных условий (злоупотреблением правом) и члены его семьи являются нуждающимися в жилом помещении.

Ч. обратилась с иском к УМВД России по Камчатскому краю о признании незаконным распоряжения об отказе в принятии на учет для получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения, возложении обязанности принять на такой учет.

В обоснование исковых требований Ч. указывала, что ее супруг С. и отец несовершеннолетних Н., М. и М. с 2010 года проходил службу в органах внутренних дел в Ростовской области, в 2017 году был переведен на службу в Камчатский край.

В 2022 году С. умер от онкологического заболевания, полученного в период прохождения службы.

В 2023 году Ч. обратилась в УМВД России по Камчатскому краю с заявлением о принятии С. с составом семьи из пяти человек (С., Ч. и трое несовершеннолетних детей Н., М. и М.) на учет для получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения (далее также – единовременная социальная выплата).

Решением УМВД России по Камчатскому краю Ч. отказано в принятии на учет для получения единовременной социальной выплаты со ссылкой на то, что С. совершены намеренные действия, повлекшие ухудшение жилищных условий семьи, с момента совершения которых на дату смерти С. и на дату рассмотрения заявления Ч. установленный частью 7 статьи 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» пятилетний срок не истек.

К намеренным действиям, повлекшим ухудшение жилищных условий, комиссией УМВД России по Камчатскому краю отнесено отчуждение

(продажа) С. в 2018 году принадлежавшего ему на праве собственности жилого дома площадью 113 кв. м в Ростовской области.

Ч. считала такой отказ незаконным, указывая на то, что ее супруг намеренных действий по ухудшению жилищных условий не совершал, продажа жилого дома в 2018 году была вызвана переездом семьи С. к его новому месту службы в Камчатский край. Денежные средства от продажи этого имущества были потрачены на погашение ипотечного кредита, потребительского кредита, который был взят для обеспечения и содержания семьи на период переезда в Камчатский край. Ч. с детьми зарегистрирована и постоянно проживает по договору коммерческого найма в Камчатском крае. В Едином государственном реестре недвижимости отсутствуют сведения о правах на объекты недвижимости в отношении С. и членов его семьи (супруги Ч. и детей).

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Ч., суд первой инстанции исходил из того, что ограничения в предоставлении мер социальной поддержки в жилищной сфере сотруднику органов внутренних дел и членам его семьи, которые проживают непосредственно с ним, считаются допустимыми лишь в том случае, если ими совершались умышленные действия с целью создания искусственного ухудшения жилищных условий, то есть нуждаемости в жилье, и, соответственно, возникновения оснований претендовать на получение единовременной социальной выплаты.

Суд первой инстанции, установив обстоятельства по делу (отчуждение С. в 2018 году принадлежавшего ему на праве собственности жилого дома, расположенного в Ростовской области, было связано с переездом С. с семьей на новое место жительства ввиду его перевода на новое место службы в Камчатский край, а также необходимостью погашения имевшихся у С. кредитных обязательств и материального обеспечения многодетной семьи, где денежное содержание С. являлось единственным источником дохода; С. на дату смерти имел стаж службы в органах внутренних дел более десяти лет в календарном исчислении, субсидию или иную выплату для приобретения или строительства жилого помещения за весь период службы он не получал, за получением такой выплаты при жизни не обращался, какого-либо жилого помещения в собственности либо по договору социального найма С. и члены его семьи не имеют), признал незаконным оспариваемое Ч. решение комиссии УМВД России по Камчатскому краю, возложив на ответчика обязанность принять на учет для получения единовременной социальной выплаты майора полиции С., бывшего начальника пункта полиции, как сотрудника, умершего от заболевания, полученного в период службы, с составом семьи из пяти человек.

Суд апелляционной инстанции с такими выводами суда первой инстанции не согласился, отменил решение суда первой инстанции и принял по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований Ч.

Суд апелляционной инстанции полагал, что поскольку с момента отчуждения С. принадлежавшего ему на праве собственности жилого дома

до момента смерти С. прошло менее пяти лет, то у него и у членов его семьи после его смерти не возникло право состоять на учете для получения единовременной социальной выплаты. Доводы Ч. о целевом расходовании полученных от продажи С. жилого дома денежных средств (погашение кредитных обязательств) суд апелляционной инстанции признал не имеющими правового значения для разрешения спора.

Судебная коллегия по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции оставила апелляционное определение суда апелляционной инстанции без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции, а также выводы кассационного суда общей юрисдикции основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделанными с существенным нарушением норм процессуального права, указав следующее.

В силу части 7 статьи 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сотрудник, который с намерением приобретения права состоять на учете в качестве имеющего право на получение единовременной социальной выплаты совершил действия, повлекшие ухудшение жилищных условий, и (или) члены семьи которого с намерением приобретения права сотрудником состоять на учете в качестве имеющего право на получение единовременной социальной выплаты совершили действия, повлекшие ухудшение жилищных условий сотрудника, принимается на учет в качестве имеющего право на получение единовременной социальной выплаты не ранее чем через пять лет со дня совершения указанных намеренных действий.

К намеренным действиям, повлекшим ухудшение жилищных условий сотрудника, относятся в том числе действия, связанные с отчуждением жилых помещений или их частей (пункт 5 части 7 статьи 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ).

Норма о том, что если сотрудник и (или) члены его семьи совершили действия, указанные в части 7 статьи 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ, то этот сотрудник принимается на учет в качестве имеющего право на получение единовременной выплаты не ранее чем через пять лет со дня совершения таких действий, содержится в пункте 9 Правил предоставления единовременной социальной выплаты¹.

Приведенные нормативные положения корреспондируют нормативным предписаниям статьи 53 ЖК РФ, предусматривающей, что граждане, которые с намерением приобретения права состоять на учете в качестве

¹ Правила предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, а также иным лицам, имеющим право на получение такой выплаты, утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 1223.

нуждающихся в жилых помещениях совершили действия, в результате которых такие граждане могут быть признаны нуждающимися в жилых помещениях, принимаются на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях не ранее чем через пять лет со дня совершения указанных намеренных действий.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, которым искивые требования Ч. (вдовы С.) были удовлетворены, и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении искивых требований Ч., неправильно истолковал положения норм материального права об условиях постановки сотрудника органов внутренних дел и совместно проживающих с ним членов его семьи на учет для получения единовременной социальной выплаты и об ограничении возможности постановки на такой учет, если сотрудник и (или) члены его семьи с намерением приобретения права состоять на учете совершили действия, повлекшие ухудшение жилищных условий, и с момента совершения этих действий не прошло пять лет.

Ссылаясь в обоснование отказа в удовлетворении искивых требований Ч. на то, что у членов семьи С. после его смерти не возникло право состоять на учете для получения единовременной социальной выплаты, поскольку с момента отчуждения С. принадлежавшего ему на праве собственности жилого дома (в 2018 году) до момента его смерти (19 июля 2022 г.) прошло менее пяти лет, суд апелляционной инстанции не принял во внимание, что по смыслу изложенных выше положений действующего законодательства само по себе совершение сотрудником и (или) членами его семьи действий по отчуждению принадлежавших им жилых помещений или их частей без установления того, что такие действия были совершены ими с намерением приобретения права состоять на учете в качестве имеющих право на получение единовременной социальной выплаты, не может служить основанием к отказу в постановке сотрудника и членов его семьи на учет для получения единовременной социальной выплаты.

В результате неправильного истолкования норм материального права, регулирующих спорные отношения, суд апелляционной инстанции ошибочно исходил из того, что любые действия, направленные на отчуждение жилых помещений и их частей, совершенные сотрудником и (или) членами его семьи, являются действиями, намеренно ухудшающими жилищные условия.

Вследствие этого суд апелляционной инстанции не дал надлежащей правовой оценки установленным судом первой инстанции обстоятельствам, касающимся отчуждения С. принадлежавшего ему жилого дома и той жизненной ситуации, в которой оказалась семья С., свидетельствующим о вынужденном характере продажи дома, а также о том, что С. не совершал действий, повлекших ухудшение жилищных условий, с намерением приобретения права состоять на учете для получения единовременной социальной выплаты.

Суд апелляционной инстанции, не соглашаясь с выводом суда первой инстанции, каких-либо новых обстоятельств по данному делу, которые не были предметом рассмотрения суда первой инстанции, не установил, новые доказательства не исследовал, а, допустив ошибку в применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, пришел к неправомерному выводу о том, что поскольку с момента отчуждения С. принадлежавшего ему на праве собственности жилого дома и до момента его смерти прошло менее пяти лет, то у С. и у членов его семьи после его смерти не возникло право состоять на учете для получения единовременной социальной выплаты.

Подобный формальный подход суда апелляционной инстанции к рассмотрению дела, касающегося прав на социальные гарантии (предоставление единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения) членов семьи сотрудника органов внутренних дел, умершего вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в органах внутренних дел, привел к нарушению задач и смысла гражданского судопроизводства, которые установлены статьей 2 ГПК РФ, и права Ч. на справедливую и компетентную судебную защиту, гарантированную каждому частью 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 60-КГ25-1-К9

10. Необоснованный отказ уполномоченного органа в присвоении гражданину статуса ветерана Великой Отечественной войны (труженика тыла) влечет нарушение его личных неимущественных прав и дает основание для взыскания в его пользу компенсации морального вреда.

Б. обратилась в суд с иском к Управлению социальной защиты населения Златоустовского городского округа Челябинской области, Отделению Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Челябинской области, Администрации Златоустовского городского округа Челябинской области (далее – уполномоченные органы) о взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование иска Б. (1933 года рождения) указывала, что в период Великой Отечественной войны, будучи несовершеннолетней, с 22 июня 1944 г. по 9 мая 1945 г. работала в колхозе, расположенном в Пензенской области. Ввиду несовершеннолетнего возраста трудовая книжка ей не оформлялась.

Факт работы Б. в колхозе в названный период в 1993 году был предметом проверки комиссии по назначению пенсий при горисполкоме с целью повышения размера выплачиваемой Б. пенсии по старости, был подтвержден свидетельскими показаниями, что отражено в соответствующих протоколах комиссий и в пенсионном деле Б. Вместе с тем комиссией по назначению пенсий в общий трудовой стаж Б. был включен период ее работы в колхозе только с 1 января 1945 г., а не с 22 июня 1944 г.

Б. с 1993 по 2020 год неоднократно обращалась в уполномоченные органы в устной форме по вопросу включения в ее общий трудовой стаж названного периода работы именно с 22 июня 1944 г., а также по вопросу присвоения ей статуса ветерана Великой Отечественной войны, ссылаясь на то, что она проработала в тылу в период Великой Отечественной войны более десяти месяцев. Однако каких-либо ответов, разъясняющих причину невключения в общий трудовой стаж Б. периода ее работы в колхозе с 22 июня 1944 г., Б. на свои обращения не получила.

Для подтверждения факта работы в период Великой Отечественной войны не менее шести месяцев – с 22 июня 1944 г. по 9 мая 1945 г. – Б. была вынуждена обратиться в Златоустовский городской суд Челябинской области, решением которого от 18 апреля 2023 г., вступившим в законную силу 26 мая 2023 г., данный факт был установлен. Этим же решением суда за Б. признано право на присвоение статуса ветерана Великой Отечественной войны (труженика тыла). 16 июня 2023 г. на основании данного решения суда Б. выдано удостоверение ветерана Великой Отечественной войны.

По мнению Б., действия и бездействие со стороны ответчиков, не изучивших документы, имеющиеся в пенсионном деле Б., при ее неоднократных устных обращениях и, как следствие, не обнаруживших ошибку, допущенную комиссией по назначению пенсий, не разъяснивших Б. ее право на разрешение данного вопроса в судебном порядке, причинили Б. физические и нравственные страдания, выразившиеся в том, что она в преклонном возрасте долгие годы (с 1993 по 2023 год) вынуждена была доказывать очевидный факт своей работы в тылу в период Великой Отечественной войны более десяти месяцев. Не получая от должностных лиц ответчиков мотивированных ответов и разъяснений на свои неоднократные обращения, Б., работавшая в несовершеннолетнем возрасте в тылу в период Великой Отечественной войны и внесшая свой вклад в победу над фашизмом, каждый раз переживала и испытывала чувство унижения, беспомощности, разочарования ввиду нежелания должностных лиц органов власти оказать ей помощь в реализации ее права на присвоение статуса ветерана Великой Отечественной войны, гарантированного государством, что, в свою очередь, способствовало ухудшению ее здоровья.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований Б. было отказано.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Б. о взыскании компенсации морального вреда, суд первой инстанции пришел

к выводу об отсутствии совокупности условий для возложения на ответчиков обязанности по компенсации Б. морального вреда, указав на то, что Б. не представлены доказательства нарушения ее личных неимущественных прав или нематериальных благ со стороны каждого из ответчиков.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделанными с существенным нарушением норм процессуального права по следующим основаниям.

Одним из направлений государственной политики является осуществление государственной поддержки ветеранов в Российской Федерации с целью создания условий, обеспечивающих им достойную жизнь, активную деятельность, почет и уважение в обществе. Эта цель реализуется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» (статьи 1 и 2) с учетом заслуг перед Отечеством особо выделяет ветеранов Великой Отечественной войны, к которым отнесены также лица, проработавшие в тылу в период с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. не менее шести месяцев, исключая период работы на временно оккупированных территориях СССР.

Таким образом, право гражданина на присвоение статуса ветерана Великой Отечественной войны тесно связано с его личными неимущественными правами, в числе которых достоинство личности, честь и доброе имя, соответственно, действия (бездействие), нарушающие это право, отрицательно сказываются на его здоровье, эмоциональном состоянии, затрагивают достоинство личности, честь и доброе имя, то есть нарушают личные неимущественные права гражданина, причиняя ему тем самым моральный вред (физические и нравственные страдания).

Исходя из положений статьи 151 ГК РФ, главы 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда», разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», если незаконные действия (бездействие) органов и лиц, наделенных публичными полномочиями, привели к нарушению личных неимущественных прав гражданина (в данном случае гражданина, претендовавшего на присвоение статуса ветерана Великой Отечественной войны), то в пользу этого гражданина судом может быть взыскана компенсация морального вреда. Необходимыми условиями для возложения обязанности по возмещению такого вреда являются: наступление вреда (физических и (или) нравственных страданий потерпевшего); противоправные действия (бездействие) причинителя вреда;

причинная связь между противоправностью действий (бездействия) и наступлением вреда; вина причинителя вреда.

При этом гражданское законодательство предусматривает презумпцию вины причинителя вреда: лицо, причинившее вред, освобождается от обязанности его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине. Исключения из этого правила установлены законом, в частности статьей 1100 ГК РФ.

Следовательно, для привлечения к ответственности в виде компенсации морального вреда юридически значимыми являются обстоятельства, связанные с тем, что потерпевший перенес физические или нравственные страдания в связи с посягательством причинителя вреда на принадлежащие ему нематериальные блага (в данном случае – право на достоинство личности, честь и доброе имя гражданина, проработавшего в несовершеннолетнем возрасте в тылу в период Великой Отечественной войны и внесшего свой вклад в победу над фашизмом), при этом на причинителя вреда лежит бремя доказывания правомерности его поведения, а также отсутствия его вины, то есть установленная законом презумпция вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам ответчик. Потерпевший представляет доказательства, подтверждающие факт наличия вреда (физических и нравственных страданий), а также доказательства того, что ответчик является причинителем вреда или лицом, в силу закона обязанным возместить вред.

Суды первой и апелляционной инстанций при разрешении исковых требований Б. о взыскании компенсации морального вреда, причиненного несвоевременным присвоением ей статуса ветерана Великой Отечественной войны, нормы материального права об основаниях и порядке компенсации морального вреда в случае его причинения гражданину в результате незаконных действий (бездействия) органов и лиц, наделенных публичными полномочиями, в их взаимосвязи с нормативными положениями, регулирующими отношения по наделению гражданина статусом ветерана Великой Отечественной войны, к спорным отношениям применили неправильно, не приняли во внимание разъяснения, данные в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также обстоятельства того, что государство в максимальной степени учитывает заслуги перед народом и Отечеством поколения, победившего в Великой Отечественной войне и принявшего на себя все ее тяготы, гарантирует людям этого поколения почет и уважение в обществе, создает условия, обеспечивающие им достойную жизнь.

Суды первой и апелляционной инстанций также не учли, что применительно к спорным отношениям в соответствии с приведенным правовым регулированием ответчики как органы, реализующие государственную политику в отношении ветеранов, должны были доказать отсутствие своей вины в причинении Б. морального вреда. Вместе с тем из материалов дела видно, что представители ответчиков в ходе судебного

разбирательства не высказывали возражений или несогласия с доводами Б., ее доводы ими опровергнуты не были.

Соответственно, вывод судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии совокупности условий для возложения на ответчиков обязанности по компенсации Б. морального вреда со ссылкой на то, что Б. не представлены доказательства нарушения ее личных неимущественных прав или нематериальных благ со стороны каждого из ответчиков, нельзя признать правомерным.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 48-КГ25-11-К7

11. В случае смерти работника в результате несчастного случая на производстве члены его семьи имеют право на взыскание с работодателя, не обеспечившего работнику безопасные условия труда, компенсации морального вреда. При этом судом в судебном постановлении должны быть приведены мотивы о размере компенсации морального вреда во избежание произвольного завышения или занижения суммы такой компенсации.

Р. обратилась в суд с иском к акционерному обществу «МЗБ» (далее также – работодатель, общество) о взыскании компенсации морального вреда в размере 2 000 000 руб., причиненного в связи с несчастным случаем на производстве, в результате которого погиб ее сын С., что причинило ей глубокие душевные и нравственные страдания.

В обоснование иска Р. указывала, что С., 1986 года рождения, состоял в трудовых отношениях с обществом, занимал должность подручного сталевара электропечи в электросталеплавильном цехе. 14 декабря 2023 г. произошел несчастный случай на производстве, в результате которого С. погиб.

Комиссия по расследованию несчастного случая пришла к выводу о том, что основной причиной несчастного случая с С. является нарушение им трудового распорядка, дисциплины труда, а сопутствующими причинами – неудовлетворительная организация производства работ, необеспечение контроля со стороны руководителей и специалистов подразделения за ходом работы, соблюдением трудовой дисциплины, недостатки в создании и обеспечении функционирования системы управления охраной труда. Комиссия по итогам голосования установила степень вины С. в произошедшем несчастном случае в размере 70 %. При этом представители регионального Отделения Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации, профсоюзной организации, администрации

муниципального района проголосовали за то, что степень вины С. в произошедшем несчастном случае составила 15 %.

Работодателем составлен акт о несчастном случае на производстве.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования Р. о компенсации морального вреда, причиненного гибелью близкого родственника (сына) вследствие несчастного случая на производстве, руководствуясь положениями ТК РФ об охране труда, о праве работника на труд в условиях, соответствующих государственным нормативным требованиям охраны труда, и об обязанности работодателя обеспечить работнику безопасные условия труда, а также нормами ГК РФ о компенсации морального вреда, суд первой инстанции исходил из того, что несчастный случай с сыном Р. произошел при исполнении им должностных обязанностей по вине работодателя, не обеспечившего надлежащий контроль за ведением работ со стороны ответственных лиц и не принявшего меры для недопущения беспрепятственного доступа работника С. к опасному участку работы до начала рабочего времени, в связи с чем пришел к выводу о том, что работодатель С. должен выплатить его матери Р. компенсацию морального вреда, причиненного ей смертью сына.

Определяя компенсацию морального вреда в размере в 1 500 000 руб., суд первой инстанции принял во внимание конкретные обстоятельства, при которых был причинен моральный вред Р., характер ее страданий, связанных с трагическим событием – утратой самого родного и близкого человека – ее сына С., что является невосполнимой потерей, необратимым обстоятельством, нарушающим психическое благополучие Р., ее неимущественное право на родственные и семейные связи, а также учел поведение ответчика, который, имея возможность для возмещения морального вреда истцу, не предпринял к этому никаких действий, не принес устных извинений.

Отклоняя как несостоятельный довод общества о наличии вины в произошедшем несчастном случае на производстве самого С., суд первой инстанции указал на то, что несчастный случай на производстве произошел с С. в первую очередь по вине работодателя, который не принял надлежащих мер к созданию работнику С. безопасных условий труда.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая дело по апелляционной жалобе общества, согласился с выводами суда первой инстанции о наличии оснований для взыскания с работодателя в пользу Р. компенсации морального вреда, однако изменил решение суда первой инстанции в части размера компенсации морального вреда, уменьшив его с 1 500 000 руб. до 1 000 000 руб.

По мнению суда апелляционной инстанции, суд первой инстанции не дал оценки доводам ответчика о наличии вины в произошедшем несчастном случае самого С. и не учел это обстоятельство при определении размера компенсации морального вреда.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставляя без изменения судебное постановление суда апелляционной инстанции, не установил

нарушения либо неправильного применения судом апелляционной инстанции норм материального или процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции по определению размера компенсации морального вреда, причиненного в связи с несчастным случаем на производстве со смертельным исходом, подлежащего взысканию с общества в пользу Р., основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделанными с существенным нарушением норм процессуального права, указав следующее.

Из норм ТК РФ об обязанностях работодателя (статья 22), об охране труда (статьи 210, 214, 216), положений ГК РФ об основаниях и порядке компенсации морального вреда (статьи 150, 151, 1099, пункт 2 статьи 1101), разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (пункты 1, 14, 25, 30, 46, 47), следует, что в случае смерти работника или повреждения его здоровья в результате несчастного случая на производстве члены семьи работника имеют право на компенсацию работодателем, не обеспечившим работнику условия труда, отвечающие требованиям охраны труда и безопасности, морального вреда, причиненного нарушением принадлежащих им неимущественных прав и нематериальных благ (права на родственные и семейные связи, душевное и физическое благополучие). Размер компенсации морального вреда, присужденный к взысканию с работодателя, в том числе в пользу члена семьи работника в случае смерти работника вследствие несчастного случая на производстве, должен быть обоснован, помимо прочего, с учетом степени вины работодателя в произошедшем несчастном случае. При этом соответствующие мотивы о размере компенсации морального вреда должны быть приведены в судебном постановлении во избежание произвольного завышения или занижения судом суммы компенсации.

Нормативным положениям, регулирующим вопросы охраны труда, обеспечения работодателем безопасных условий труда работников, а также компенсации морального вреда и определения размера такой компенсации, судебные постановления суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции не отвечают.

Так, суд апелляционной инстанции, рассматривая дело по апелляционной жалобе общества на решение суда первой инстанции и изменив решение суда первой инстанции в части размера компенсации морального вреда, снизив его с 1 500 000 руб. до 1 000 000 руб., сослался на то, что судом первой инстанции при принятии решения не учтено то обстоятельство, что основной причиной несчастного случая, произошедшего с С., является нарушение им трудового распорядка, дисциплины труда.

Вместе с тем суд первой инстанции в ходе рассмотрения данного спора установил и указал в решении суда, что несчастный случай на производстве со смертельным исходом произошел с С. в первую очередь по вине работодателя, не создавшего для своего работника безопасных условий труда.

Суд апелляционной инстанции вследствие неправильного применения к спорным отношениям норм трудового права, устанавливающих обязанность работодателя по обеспечению безопасных условий и охраны труда работников, данный вывод суда первой инстанции оставил без внимания и не привел в судебном постановлении обстоятельств, которые бы его опровергали.

Суждение суда апелляционной инстанции о том, что суд первой инстанции не дал оценки доводам ответчика о наличии в произошедшем несчастном случае в бóльшей степени вины самого С. и не учел это обстоятельство при определении размера компенсации морального вреда, противоречит содержанию решения суда первой инстанции. Кроме того, об учете судом первой инстанции вины самого потерпевшего С. в произошедшем несчастном случае на производстве при определении размера компенсации морального вреда свидетельствует и то обстоятельство, что суд первой инстанции удовлетворил иски Р. частично – в размере 1 500 000 руб., что судом апелляционной инстанции также не принято во внимание.

Ввиду того, что суд апелляционной инстанции не установил новых обстоятельств по данному делу, отличных от тех, что были предметом рассмотрения суда первой инстанции, и в нарушение требований пункта 6 части 2 статьи 329 ГПК РФ фактически не привел в судебном постановлении мотивов, по которым не согласился с выводами суда первой инстанции в части определения размера компенсации морального вреда, законных оснований для изменения в этой части решения суда первой инстанции и снижения размера такой компенсации с 1 500 000 руб. до 1 000 000 руб. у суда апелляционной инстанции не имелось.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 32-КГ25-7-К1

Процессуальные вопросы

12. При решении вопроса о возмещении гражданином судебных расходов, в состав которых включены и расходы на оплату экспертизы, суду необходимо проверять и принимать во внимание совокупность всех обстоятельств, связанных с имущественным положением гражданина, на которые он ссылается в обоснование освобождения его от несения судебных расходов. Если экспертиза по делу назначена по инициативе

суда, а не по ходатайству самих лиц, участвующих в деле, соответствующие расходы возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Ш. обратился в суд с иском к Министерству здравоохранения Челябинской области, Городской клинической больнице № 2 г. Челябинска (далее – городская больница) о взыскании расходов на оплату медицинских услуг, компенсации морального вреда.

Обращаясь в суд с иском, Ш., 1950 года рождения, инвалид II группы, ссылаясь на то, что действиями медицинских работников городской больницы по ненадлежащему оказанию медицинской помощи его супруге – О. ему причинены нравственные страдания, выразившиеся в страхе и тревоге за состояние здоровья супруги, чувстве неопределенности, нарушении эмоционального равновесия, а также им понесен материальный ущерб в размере 11 250 руб. в виде расходов на оплату посещения О. врача-невролога в частной медицинской организации.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска Ш., суд первой инстанции указал, что факт ненадлежащего оказания медицинской помощи супруге Ш. в городской больнице не установлен.

При проверке законности и обоснованности решения суда первой инстанции по апелляционной жалобе Ш. судом апелляционной инстанции в судебном заседании был поставлен вопрос о назначении по делу судебно-медицинской экспертизы для проверки качества медицинской помощи, оказанной супруге Ш. городской больницей.

Ш. выразил несогласие с назначением по делу судебно-медицинской экспертизы и пояснил суду апелляционной инстанции, что судом первой инстанции такой вопрос не ставился, специальные знания для разрешения заявленных им исковых требований не требуются, однако если судебная коллегия считает иначе, то он не возражает против назначения судом апелляционной инстанции судебно-медицинской экспертизы.

В дальнейшем Ш. обратился в суд апелляционной инстанции с письменным ходатайством о назначении по делу судебно-медицинской экспертизы. В этом же ходатайстве Ш. просил об освобождении его от оплаты расходов на проведение судебной экспертизы, приводя доводы о своем тяжелом материальном положении и обращая внимание на то, что он 1950 года рождения, является инвалидом II группы, пенсионером, единственный его доход – это пенсия, ее размер незначительный, ввиду неудовлетворительного состояния здоровья он нуждается в постоянном лечении, на что вынужден тратить все свои сбережения, у него имеется задолженность по коммунальным платежам в размере 50 000 руб., которая взыскивается из пенсии на основании судебного приказа. К ходатайству Ш. приложил соответствующие документы, подтверждающие его доводы.

Определением суда апелляционной инстанции по делу была назначена судебно-медицинская экспертиза, расходы на проведение экспертизы возложены на Ш.

Суд апелляционной инстанции, исследовав в том числе заключение судебно-медицинской экспертизы, признал выводы суда первой инстанции об отказе в удовлетворении исковых требований Ш. о взыскании расходов на оплату медицинских услуг и компенсации морального вреда правильными, в связи с чем оставил без изменения решение суда первой инстанции.

Разрешая вопрос об оплате экспертизы, суд апелляционной инстанции сослался на положения статей 88, 94, 98 ГПК РФ и указал на то, что поскольку заключение проведенной по делу судебно-медицинской экспертизы является полным, объективным и обоснованным, принято судом апелляционной инстанции в качестве достоверного доказательства при разрешении исковых требований Ш. о взыскании расходов на оплату медицинских услуг, компенсации морального вреда, в удовлетворении которых Ш. отказано, то именно с него в пользу экспертного учреждения подлежат взысканию расходы на проведение судебно-медицинской экспертизы в размере 68 420 руб.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции, а также кассационного суда общей юрисдикции в части взыскания с Ш. в пользу экспертного учреждения расходов на проведение судебно-медицинской экспертизы сделанными с существенным нарушением норм процессуального права, указав следующее.

По общему правилу судебные расходы на оплату экспертизы, в том числе понесенные в связи с ведением дела в апелляционной инстанции, суд присуждает к возмещению стороной, не в пользу которой разрешен спор по существу. При этом частью 3 статьи 96 ГПК РФ предусмотрена возможность освобождения гражданина с учетом его имущественного положения от уплаты судебных расходов, в частности на оплату экспертизы, или уменьшения их размера.

Следовательно, суду в целях реализации одной из основных задач гражданского судопроизводства по справедливому судебному разбирательству, а также в целях обеспечения необходимого баланса процессуальных прав и обязанностей сторон при решении вопроса о возмещении гражданином (стороной) судебных расходов, включая расходы на оплату экспертизы, следует учитывать его имущественное положение. Суду необходимо проверять и принимать во внимание всю совокупность обстоятельств, связанных с имущественным положением гражданина, на которые он ссылается в обоснование освобождения его от несения судебных расходов.

В случае, если вызов свидетелей, назначение экспертов, привлечение специалистов и другие действия, подлежащие оплате, осуществляются по инициативе суда, соответствующие расходы возмещаются за счет средств федерального бюджета (абзац первый части 2 статьи 96 ГПК РФ).

Суд апелляционной инстанции при рассмотрении заявления экспертного учреждения об оплате экспертизы, проведенной по делу по иску Ш., положения части 3 статьи 96 ГПК РФ о возможности освобождения гражданина с учетом его имущественного положения от уплаты расходов, предусмотренных частью 1 статьи 96 ГПК РФ, в том числе на оплату экспертизы, или уменьшения их размера не применил и не учел разъяснения, содержащиеся в пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», в то время как Ш. в суде апелляционной инстанции просил освободить его от оплаты судебно-медицинской экспертизы, ссылаясь на тяжелое имущественное положение и неудовлетворительное состояние здоровья, представив соответствующие документы, подтверждающие его доводы.

Этим доводам Ш. и документам, представленным в их обоснование, судом апелляционной инстанции не дана правовая оценка с учетом требований статьи 67 и части 3 статьи 96 ГПК РФ, обстоятельства, связанные с имущественным положением Ш., не устанавливались и на обсуждение сторон не выносились, вопрос о размере вознаграждения за проведение судебно-медицинской экспертизы в порядке, установленном частью 5 статьи 95 ГПК РФ, судом апелляционной инстанции с Ш. не согласовывался.

Кроме того, суд апелляционной инстанции оставил без внимания обстоятельства, связанные с назначением по делу судебно-медицинской экспертизы, а именно по чьей инициативе в судебном заседании суда апелляционной инстанции был поставлен на обсуждение вопрос о назначении по делу этой экспертизы и на кого с учетом данного обстоятельства надлежало возложить обязанность по ее оплате.

Между тем согласно протоколу судебного заседания суда апелляционной инстанции вопрос о необходимости назначения по делу судебно-медицинской экспертизы был поставлен не истцом Ш., а судом апелляционной инстанции.

В нарушение статей 56, 195, части 4 статьи 198 ГПК РФ указанные обстоятельства, связанные с назначением по делу судебно-медицинской экспертизы, не были определены судом апелляционной инстанции в качестве юридически значимых при рассмотрении заявления экспертного учреждения об оплате экспертизы и правовой оценки не получили.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала неправомерным вывод суда апелляционной инстанции о взыскании с Ш. расходов на проведение судебно-медицинской экспертизы в размере 68 420 руб., как не отвечающий требованиям гражданско-процессуального законодательства о назначении экспертизы и возмещении расходов на ее проведение, в связи с чем отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части взыскания с Ш. расходов на проведение экспертизы, дело

в указанной части направила на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 48-КГ24-31-К7

13. Требование о возмещении ущерба в денежной форме, возникшее после возбуждения дела о банкротстве, относится к текущим платежам и подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции по общим правилам искового производства.

П. в мае 2024 года обратился в суд с иском к З. о возмещении ущерба, причиненного в 2023–2024 годах в результате залива принадлежащей ему квартиры из расположенной выше квартиры, собственником которой является ответчик.

Как установлено судом и следует из материалов дела, решением арбитражного суда от 22 декабря 2021 г. завершена процедура реструктуризации долгов З., введена процедура реализации имущества. Определением арбитражного суда от 14 декабря 2023 г. процедура реализации имущества продлена на 6 месяцев – по 16 июня 2024 г.

Возвращая исковое заявление, суд первой инстанции исходил из того, что требования П. о возмещении ущерба, причиненного заливом квартиры, подлежат предъявлению только в рамках дела о банкротстве ответчика, в отношении которого введена процедура реализации имущества.

С выводами суда первой инстанции и их обоснованием согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что в данном деле существенные нарушения норм процессуального права допущены судами при разрешении вопроса о принятии иска П. к производству суда.

В силу абзаца третьего пункта 2 статьи 213¹¹ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) с даты вынесения арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введении реструктуризации его долгов требования кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, требования о признании права собственности, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о признании недействительными сделок и о применении последствий недействительности ничтожных сделок могут быть предъявлены только в порядке, установленном названным федеральным законом. Исковые заявления, которые предъявлены не в рамках дела о банкротстве гражданина и не рассмотрены судом до даты введения реструктуризации долгов гражданина, подлежат после этой даты оставлению судом без рассмотрения.

Согласно пункту 1 статьи 5 Закона о банкротстве под текущими платежами понимаются денежные обязательства, требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших

по трудовому договору, и обязательные платежи, возникшие после даты принятия заявления о признании должника банкротом, если иное не установлено этим законом. Возникшие после возбуждения производства по делу о банкротстве требования кредиторов об оплате поставленных товаров, оказанных услуг и выполненных работ являются текущими.

Требования кредиторов по текущим платежам не подлежат включению в реестр требований кредиторов. Кредиторы по текущим платежам при проведении соответствующих процедур, применяемых в деле о банкротстве, не признаются лицами, участвующими в деле о банкротстве (пункт 2 статьи 5 Закона о банкротстве).

Из разъяснений, данных в пункте 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» (далее – постановление Пленума № 63), следует, что в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Закона о банкротстве денежные обязательства относятся к текущим платежам, если они возникли после даты принятия заявления о признании должника банкротом, то есть даты вынесения определения об этом.

Судам при применении данной нормы необходимо учитывать, что в силу статьи 2 Закона о банкротстве под денежным обязательством для целей этого закона понимается обязанность должника уплатить кредитору определенную денежную сумму по гражданско-правовой сделке и (или) иному основанию, предусмотренному Гражданским кодексом Российской Федерации, бюджетным законодательством Российской Федерации (в связи с предоставлением бюджетного кредита юридическому лицу, выдачей государственной или муниципальной гарантии и т. п.).

Таким образом, в качестве текущего платежа может быть квалифицировано только то обязательство, которое предполагает использование денег в качестве средства платежа, средства погашения денежного долга.

Дата причинения вреда кредитору, за который несет ответственность должник в соответствии со статьей 1064 ГК РФ, признается датой возникновения обязательства по возмещению вреда для целей квалификации его в качестве текущего платежа независимо от того, в какие сроки состоится исчисление размера вреда или вступит в законную силу судебное решение, подтверждающее факт причинения вреда и ответственность должника (пункт 10 постановления Пленума № 63).

В пункте 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» разъяснено, что требования кредиторов по текущим платежам подлежат предъявлению в суд в общем порядке, предусмотренном процессуальным законодательством, вне рамок дела о банкротстве.

Как следует из искового заявления и приложенных к нему документов, решением арбитражного суда от 22 декабря 2021 г. ответчик З. признан несостоятельным (банкротом).

В исковом заявлении, поданном П. в суд в мае 2024 года, указаны требования о возмещении ущерба, причиненного в 2023–2024 годах, то есть после даты принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом, признания ответчика несостоятельным (банкротом) и введения в отношении его процедуры реализации имущества. Данные финансового управляющего должника З. – П. – указаны в исковом заявлении.

С учетом того, что обязательство по возмещению ущерба, причиненного залогом, является денежным, возникло после возбуждения дела о банкротстве и признания З. банкротом, оно относится к текущим платежам и подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции по общим правилам искового производства, в связи с чем у судьи отсутствовали основания для возвращения искового заявления.

Суды апелляционной и кассационной инстанций ошибки суда первой инстанции не исправили.

Принимая во внимание изложенное, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации судебные постановления отменила, направив материал по иску П. к З. в суд первой инстанции для рассмотрения по существу.

Определение № 8-КГ25-2-К2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Споры, связанные с защитой вещных прав

14. Гидротехническое сооружение, являющееся объектом федеральной собственности и переданное лицу во временное владение и пользование на основании договора, подлежит возврату по требованию собственника в случае прекращения оснований для его использования.

Федеральное бюджетное учреждение (администрация) обратилось в арбитражный суд с требованием к обществу об освобождении самовольно занятых объектов недвижимости (гидротехнические сооружения) рыбохозяйственными садками и модулями.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требования уполномоченного органа отказал.

Суды квалифицировали сложившиеся между сторонами правоотношения как арендные, поскольку после истечения срока действия договора пользования водными объектами возражений против использования

водного объекта в адрес общества от уполномоченных на распоряжение данным объектом лиц не поступало.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с уставом администрации целями ее деятельности являются: эксплуатация и развитие внутренних водных путей и гидротехнических сооружений; обеспечение судоходства на внутренних водных путях, безопасности судоходных гидротехнических сооружений. Для достижения этих целей администрация осуществляет виды деятельности, поименованные в уставе.

Исходя из содержания статьи 9 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений», пункта 7 статьи 10 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации на администрацию возложены обязанности по обеспечению безопасности гидротехнического сооружения, в частности по содержанию гидросооружения, включающие эксплуатацию, текущий и капитальный ремонт, техническое обслуживание и контроль (мониторинг) за показателями состояния в процессе эксплуатации гидроузла.

В настоящее время общество фактически использует спорное имущество в целях ведения своей хозяйственной деятельности (осуществление рыбоводства), получает доход, разместило в подходных каналах шлюзов гидроузла садки и рыбоводные модули, крепящиеся к причальным линиям, заблокировав тем самым подход судов для проведения работ по тралению в подходном канале судоходного шлюза и камерах шлюза, а также в районе участков ворот и швартовых рымов судоходного шлюза.

Таким образом, администрация, одной из целей создания которой является обеспечение контроля за показателями состояния гидротехнического сооружения, лишена возможности использовать гидротехническое сооружение по его прямому назначению, главное его свойство – безопасность – в настоящее время не может быть обеспечено администрацией. С учетом статуса гидротехнического сооружения и цели его возведения использование имущества обществом в целях рыбоводства является неправомерным.

При этом в силу пунктов 5 и 9 статьи 2, части 1 статьи 9 и частей 1, 3 статьи 10 Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 148-ФЗ «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предоставление в пользование участка акватории возможно на основании договора аренды, заключенного по результатам торгов, либо без проведения торгов на основании безвозмездного договора, заключенного исключительно с некоммерческим рыбоводным хозяйством, осуществляющим аквакультуру (рыбоводство), относящуюся к сохранению водных биологических ресурсов.

Вместе с тем суды установили, что у общества отсутствуют надлежащие основания, подтверждающие его право на пользование спорными объектами, при этом на территории гидротехнического сооружения оно по настоящее время осуществляет хозяйственную деятельность, приносящую ему прибыль, несмотря на неоднократные правомерные требования уполномоченных органов о возврате спорного имущества.

Договор оказания услуг с учетом последнего заключенного к нему дополнительного соглашения фактически прекратил свое действие в результате признания его недействительной (ничтожной) сделкой решением арбитражного суда по другому делу и поэтому не мог быть квалифицирован как действующее обязательство, позволяющее использовать федеральное имущество. При указанных обстоятельствах законных оснований для удержания и использования спорного сооружения у общества не имелось.

Как следует из пункта 82 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», переданная в пользование по недействительному договору вещь подлежит возврату. Ввиду особого характера временного пользования индивидуально-определенной вещью срок исковой давности по иску о ее возврате независимо от момента признания сделки недействительной начинается не ранее отказа соответствующей стороны сделки от ее добровольного возврата (абзац второй пункта 2 статьи 200 ГК РФ).

Таким образом, права собственника или уполномоченного на то лица по возврату переданного им в аренду объекта подлежат защите от его неправомерного использования иными лицами в отсутствие на то законных или договорных оснований.

Определение № 306-ЭС25-4131

Споры, возникающие из обязательственных отношений

15. При проведении зачета в судебном порядке подлежит соблюдению очередность удовлетворения требований, предусмотренная статьей 319 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Общество (подрядчик) обратилось в арбитражный суд с иском к строительной компании (заказчик) о взыскании задолженности по оплате выполненных работ по договорам подряда и неустойки за просрочку.

Строительная компания предъявила встречный иск к обществу о взыскании неосновательного обогащения в виде неосвоенного аванса,

стоимости устранения недостатков выполненных работ, неустойки за просрочку выполнения работ.

Решением суда первой инстанции, принятым при новом повторном рассмотрении дела и оставленным без изменения постановлением суда апелляционной и кассационной инстанций, первоначальный и встречный иски удовлетворены частично.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Как разъяснено в пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» (далее – постановление Пленума № 6), при зачете части денежного требования должны учитываться положения статьи 319 ГК РФ.

С учетом сформированной практики применения статьи 319 ГК РФ в первую очередь подлежат погашению издержки кредитора по получению исполнения (платежи, которые кредитор обязан совершить в связи с принудительной реализацией своего требования к должнику), во вторую очередь – проценты за пользование суммой займа, кредита, аванса, предоплаты и т. д., в третью очередь – основная сумма долга.

По смыслу статьи 319 ГК РФ под упомянутыми в ней процентами понимаются проценты, являющиеся платой за пользование денежными средствами (например, статьи 317¹, 809, 823 ГК РФ). Проценты, являющиеся мерой гражданско-правовой ответственности, например проценты, предусмотренные статьей 395 ГК РФ, к указанным в статье 319 ГК РФ процентам не относятся и погашаются после суммы основного долга (пункт 37 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», далее – постановление Пленума № 54).

Аналогичные разъяснения приведены в пункте 49 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

Таким образом, очередность погашения требований, которые не названы в статье 319 ГК РФ, в частности неустойки, не может быть изменена в одностороннем порядке в пользу должника или кредитора.

В рассматриваемом случае суд первой инстанции произвел погашение штрафных санкций – неустойки за просрочку оплаты выполненных работ – за счет требований заказчика о взыскании стоимости устранения недостатков выполненных работ и неосновательного обогащения приоритетно по отношению к основному обязательству – задолженности за выполненные работы, что не согласуется с особой очередностью погашения требований кредитора, предусмотренной статьей 319 ГК РФ.

Неприменение судом первой инстанции положений статьи 319 ГК РФ привело к принятию неправильного судебного акта об удовлетворении требования о взыскании задолженности, поскольку, несмотря на установление наличия оснований для начисления неустойки, в условиях недостаточности платежа суд не применил положения статьи 319 ГК РФ об очередности погашения требований по денежному обязательству.

В результате совершенного судом первой инстанции зачета без учета положений статьи 319 ГК РФ, лишь посредством арифметического сложения требований сторон по первоначальному иску и по встречному иску, со строительной компании взыскана недостающая сумма, названная задолженностью, но по сути являющаяся неустойкой, на которую начислена неустойка.

При этом начисление неустойки на сумму требования, подлежащего погашению зачетом в порядке статьи 410 ГК РФ, не соотносится с назначением неустойки как ответственности за ненадлежащее исполнение обязательства (статья 330 ГК РФ).

Судебный зачет подлежал проведению в следующем порядке: сумма основного долга по требованию подрядчика частично погашается требованием заказчика о взыскании неосновательного обогащения, остаток задолженности по требованию подрядчика частично погашает задолженность перед заказчиком по требованию о возмещении стоимости устранения недостатков, при этом остаток складывается в пользу заказчика. Поскольку размер неустойки, взысканной в пользу подрядчика, превышает совокупное встречное требование заказчика, то устанавливается сальдо в пользу подрядчика по требованию о взыскании неустойки.

При соблюдении требований статей 319, 407, 410 ГК РФ после проведенного судом зачета взысканию с заказчика в пользу подрядчика подлежала только неустойка. При этом начисление штрафной санкции (неустойки), в том числе до даты фактического исполнения обязательства, на штрафную санкцию (неустойку) положениями ГК РФ не предусмотрено.

Определение № 306-ЭС22-21279

16. Цедент несет ответственность перед цессионарием, если уступленное ему требование не существовало или прекратилось до заключения договора цессии, о чем цессионарий не знал или не должен был знать.

Общество (цедент) и предприниматель (цессионарий) заключили договор уступки требования по денежным обязательствам, возникшим из договора поставки между цедентом (поставщик) и клинической больницей (покупатель).

Впоследствии цессионарию в удовлетворении иска о взыскании задолженности отказано ввиду ее отсутствия на стороне должника.

В связи с этим цессионарий обратился в арбитражный суд с иском к cedentu о взыскании убытков.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требования цессионария отказал.

Суды исходили из того, что сам по себе отказ в удовлетворении исковых требований о взыскании с клинической больницы задолженности за поставленный по договору товар не свидетельствует о недействительности сделки по передаче обществом предпринимателю данного права требования. Цессионарий, заключая договор, принял на себя предпринимательский риск последствий от сделки, в том числе в виде убытков, возникших вследствие его процессуального участия в качестве истца в указанном деле.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Исходя из положений пунктов 1, 2 статьи 390 ГК РФ кредитор может передать другому лицу только существующее право требования. При этом передача недействительного требования, под которым понимается в том числе и отсутствующее у первоначального кредитора право, влечет ответственность передающей стороны на основании статьи 390 ГК РФ. Действительность требования, за которую отвечает cedent, означает, что данное требование должно перейти к цессионарию в результате исполнения договора, на основании которого производится уступка.

В силу разъяснений, приведенных в пункте 1 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 октября 2007 г. № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации», в пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» (далее – постановление Пленума № 54), cedent, который совершает распорядительную сделку, направленную на перенос обязательственного права, несет ответственность перед цессионарием в случае, если этот распорядительный эффект не срабатывает в силу отсутствия уступаемого права. При этом действительность обязательственных последствий самого договора, на основании которого осуществляется уступка, не ставится под сомнение.

Из материалов дела следует, что клиническая больница при рассмотрении дела о взыскании задолженности по оплате поставленного товара выдвинула возражения относительно ее наличия, ссылаясь на поставку товара (медицинские изделия) ненадлежащего качества. Суды поддержали позицию покупателя.

При этом представители больницы подтвердили, что общество знало о выявленных недостатках, пыталось урегулировать спор в досудебном порядке, однако не обеспечило поставку медицинских изделий

с параметрами, соответствующими условиям договора.

Об отсутствии у общества (цедента) вытекающего из договора права требования по оплате поставленного товара и, следовательно, о возможности распоряжения этим правом по договору цессии предприниматель (цессионарий) узнал только по результатам рассмотрения указанного дела. Доказательств обратного обществом в нарушение положений статьи 65 АПК РФ не представлено.

Соответственно, уступка цедентом недействительного (несуществующего) права требования повлекла неполучение цессионарием суммы задолженности и необоснованные требования к должнику, то есть у цессионария возникли убытки в виде реального ущерба и упущенной выгоды.

Согласно пункту 1 постановления Пленума № 54 договором, на основании которого производится уступка, может выступать договор продажи имущественного права (пункт 4 статьи 454 ГК РФ).

В таком случае следует учитывать правила гражданского законодательства об этом договоре, в частности пункт 1 статьи 460 ГК РФ, по смыслу которого при неисполнении продавцом (цедентом) обязанности передать требование свободным от прав третьих лиц покупатель (цессионарий) вправе требовать уменьшения цены либо расторжения договора, если не будет доказано, что он знал или должен был знать об этих правах (пункт 1 статьи 307¹ ГК РФ).

Указанные правила применимы при привлечении цедента к ответственности на основании статьи 390 ГК РФ не только в случаях, когда уступаемое право не принадлежало цеденту или было обременено правами третьего лица, но и когда оно не существовало или прекратилось до заключения договора цессии (пункт 1 статьи 6 ГК РФ).

Следовательно, по общему правилу цедент должен по требованию цессионария возместить ему убытки за нарушение договора и вернуть цену, полученную за уступку, если вопреки условиям договора требование к цессионарию не перешло.

Определение № 305-ЭС25-9197

17. Банк не вправе отказать в удовлетворении требования о выплате по банковской гарантии на основании истечения срока ее действия, если выявленные при повторном предъявлении требования недостатки могли быть установлены банком в ходе его первоначального рассмотрения.

Во исполнение муниципального контракта на приобретение жилого помещения для переселения граждан из ветхого и аварийного жилья банк выдал поставщику (далее также – принципал) банковскую гарантию.

В связи неисполнением поставщиком обязательств по контракту заказчик принял решение об одностороннем отказе от исполнения контракта,

после чего потребовал от банка произвести выплату по банковской гарантии в сумме оставшегося на стороне поставщика неотработанного аванса.

Банк отказал заказчику в осуществлении оплаты по гарантии в связи с неустоверением приложенных к требованию скан-копий платежных поручений квалифицированной подписью лица, имеющего право действовать от имени бенефициара.

Впоследствии заказчик не раз обращался в банк с требованием о выплате по гарантии, устраняя выявленные банком недостатки, однако банк всякий раз отказывал в удовлетворении требования по новым основаниям.

В связи с указанным обстоятельством заказчик обратился в арбитражный суд с соответствующим иском.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Постановлением суда кассационной инстанции указанные судебные акты отменены, принят новый судебный акт об удовлетворении требований в той части, в которой оно было предъявлено надлежащим образом (с приложением документов, по внешним признакам соответствующих условиям гарантии).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты в части отказа в удовлетворении требования о взыскании задолженности по банковской гарантии в размере выплаченного аванса и направила дело в указанной части на новое рассмотрение. Новый судебный акт об удовлетворении надлежащим образом предъявленных требований, вынесенный судом кассационной инстанции, оставила без изменения. При этом Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации указала следующее.

Независимость банковской гарантии от основного обязательства обеспечивается наличием специальных (и при этом исчерпывающих) оснований для отказа гаранта в удовлетворении требования бенефициара, которые не связаны с основным обязательством, а также с отсутствием у гаранта права на отказ в выплате при предъявлении ему повторного требования даже в случае, когда ему стало известно, что основное обязательство полностью или в соответствующей части уже исполнено, прекратилось по иным основаниям либо недействительно – за исключением случаев, связанных с несоблюдением условий самой гарантии, при предъявлении требования по окончании срока ее действия либо при злоупотреблении бенефициаром своим правом на безусловное получение выплаты (статья 376 ГК РФ).

Из установленных судами обстоятельств усматривается, что требование заказчика к гаранту о возмещении суммы неотработанного аванса при неоднократном направлении запросов оставалось неизменным, им уточнялись лишь отметки на тех же самых платежных документах.

Первоначально требование было подано заказчиком заблаговременно – 22 декабря 2023 г. – при сроке действия банковской гарантии до 1 февраля 2024 г. включительно. Вместе с тем банк, первоначально отказывая в выплате по банковской гарантии, не указал полный перечень недостатков, которые, по его мнению, содержатся в данном требовании и приложенных к нему документах. Заказчик при каждом последующем направлении своего требования устранял указанные банком недостатки, однако последний отказывал в удовлетворении требования по новым основаниям. Подобное поведение банка привело к формальному выводу гаранта о пропуске бенефициаром срока предъявления требования по банковской гарантии.

В сложившейся ситуации судам следовало признать, что неоднократно направленное истцом повторное требование о возмещении суммы неотработанного аванса являлось исправлением замечаний банка по предъявленному в срок требованию, а не новым требованием и у банка отсутствовало право на отказ в выплате по банковской гарантии в этом случае по мотиву окончания срока ее действия.

Определение № 307-ЭС25-1169

Споры по договорам об энергоснабжении

18. Обязанность по оплате ресурса, поставленного ресурсоснабжающей организацией в помещение специализированного жилого фонда, переданное по договору найма жилого помещения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лежит на собственнике такого помещения (наймодателе).

Общество (теплоснабжающая организация) обратилось в арбитражный суд с иском к муниципальному образованию (собственнику жилого помещения специализированного жилого фонда) о взыскании задолженности за тепловую энергию, поставленную в жилое помещение, которое передано гражданину на основании договора найма жилого помещения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении иска отказал. Суды пришли к выводу об отсутствии у муниципального образования обязанности по оплате тепловой энергии, поставленной в жилое помещение, ввиду того что наниматели по договору социального найма обязаны вносить плату за коммунальные услуги управляющей организации, осуществляющей управление многоквартирным домом, в котором находится это помещение.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Особенностью действующего жилищного законодательства в части регулирования прав и обязанностей сторон по договору найма жилого помещения является детальное определение правового положения наймодателя и нанимателя по договору социального найма, тогда как правовое положение указанных лиц применительно к договорам найма жилых помещений, относящихся к жилищному фонду социального использования и специализированному жилищному фонду, определяется путем распространения на этих лиц тех или иных прав и обязанностей участников договора социального найма.

Согласно части 5 статьи 100 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) к пользованию специализированными жилыми помещениями по договорам найма таких жилых помещений применяются правила, предусмотренные статьей 65, частями 3 и 4 статьи 67 и статьей 69 ЖК РФ. Указанный перечень является исчерпывающим.

Из анализа приведенных норм ЖК РФ следует, что наниматель по договору найма специализированного жилого помещения обязан своевременно вносить плату за коммунальные услуги, однако получатель этой платы либо лицо, уполномоченное на ее истребование, нормами, к которым отсылает часть 5 статьи 100 ЖК РФ, не определены.

Напротив, примененная судом округа часть 4 статьи 155 ЖК РФ, обязывающая нанимателей жилых помещений по договору социального найма в многоквартирном доме, управление которым осуществляется управляющей организацией, вносить плату за коммунальные услуги этой управляющей организации, в числе норм, определяющих обязанности нанимателей по договорам найма специализированных жилых помещений, в части 5 статьи 100 ЖК РФ не упоминается.

По смыслу положений части 4 статьи 67 ЖК РФ и части 5 статьи 100 ЖК РФ в их взаимосвязи иные обязанности нанимателей по договору найма специализированных жилых помещений, помимо указанных в части 3 статьи 67 ЖК РФ, должны быть прямо предусмотрены законом или заключаемым ими договором.

Согласно условиям Типового договора найма жилого помещения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июня 2013 г. № 548 (далее – Типовой договор), наниматель обязан своевременно вносить плату за жилое помещение и коммунальные услуги (обязательные платежи). Обязанность вносить обязательные платежи возникает у нанимателя с момента заключения договора, а несвоевременное внесение платы за жилое помещение и коммунальные услуги влечет взимание пеней в размере и порядке, которые предусмотрены статьей 155 ЖК РФ (подпункт 6 пункта 8 Типового договора). При этом наймодатель обязан обеспечивать предоставление нанимателю коммунальных услуг (подпункт 7 пункта 15 Типового договора) и имеет право требовать своевременного внесения нанимателем платы за коммунальные услуги (подпункт 1 пункта 14 Типового

договора), а при невнесении нанимателем платы за коммунальные услуги в течение более одного года и отсутствии соглашения по погашению образовавшейся задолженности – требовать расторжения договора найма в судебном порядке (подпункт 1 пункта 17 Типового договора).

Приведенные положения Типового договора означают, что наниматель обязан оплачивать коммунальные услуги наймодателю, который, в свою очередь, уполномочен требовать своевременного внесения этой платы и инициировать расторжение договора при нарушении нанимателем данной обязанности. Указанные условия Типового договора не могут быть истолкованы как обязывающие нанимателя вносить плату за коммунальные услуги в адрес иного, не поименованного в договоре лица, и уполномочивающие наймодателя, действуя в интересах неназванного лица, требовать от нанимателя оплаты и возбуждать в интересах этого же лица процесс о расторжении договора судом.

Следовательно, именно на наймодателе, имеющем в силу договора найма жилого помещения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, право требовать оплаты коммунальных услуг от нанимателя соответствующего помещения, лежит обязанность по оплате ресурса, поставленного энергоснабжающей организацией в это помещение.

Определение № 309-ЭС25-9580

Споры, связанные с применением законодательства о правах на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации

19. Для признания лица заинтересованным в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования необходимо установить наличие реального намерения и возможности использовать спорное обозначение в коммерческой деятельности, не нарушая прав и законных интересов третьих лиц.

Производитель обратился к правообладателю с предложением заключить договор об отчуждении исключительного права на товарный знак. Отсутствие ответа на данное предложение послужило основанием для обращения производителя в Суд по интеллектуальным правам с иском о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака.

Суд по интеллектуальным правам решением, оставленным без изменения постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам, иск удовлетворил, установив заинтересованность производителя в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Исходя из положений части 1 статьи 4 АПК РФ, статьи 12 и пункта 1 статьи 1486 ГК РФ иск о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования может быть заявлен только заинтересованным лицом.

Отсутствие заинтересованности в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования.

Применительно к пункту 1 статьи 1486 ГК РФ заинтересованность лица в прекращении правовой охраны устанавливается судом путем оценки доказательств, подтверждающих реальность намерения истца использовать спорное обозначение после прекращения его правовой охраны.

Намерение использовать спорное обозначение после прекращения его правовой охраны в качестве товарного знака доказывается истцом путем представления доказательств, подтверждающих осуществление деятельности, однородной товарам и услугам, для индивидуализации которых зарегистрировано спорное обозначение, или проведения подготовительных мероприятий для осуществления соответствующей деятельности.

При этом такое намерение должно быть реальным. Судам надлежит оценить, действительно ли истец планирует в будущем использовать это обозначение в своей коммерческой деятельности, зарегистрировав его в качестве товарного знака, или без регистрации, не нарушая при этом прав и законных интересов третьих лиц.

Суды установили факт неправомерного использования производителем спорного обозначения, посчитав данный факт достаточным для подтверждения его заинтересованности.

Между тем в данном случае спорное изображение, зарегистрированное в качестве товарного знака, воспроизводит художественный образ персонажа. Исключительное право на персонаж также принадлежит ответчику.

Персонаж произведения, являющийся самостоятельным результатом творческого труда автора, охраняется как объект авторского права (пункт 7 статьи 1259, статья 1301 ГК РФ). Автору персонажа принадлежит исключительное право на него, включая право на воспроизведение персонажа (пункты 1, 2 статьи 1270 ГК РФ).

Правообладатель в отзыве на иск отмечал, что в случае прекращения правовой охраны обозначения в качестве товарного знака, представляющего собой изображение персонажа, его последующее использование производителем (или любым третьим лицом) будет нарушать принадлежащее ему исключительное право на персонажа как на объект авторского права.

В свою очередь, производителем не были представлены доказательства, подтверждающие намерение после прекращения правовой

охраны спорного обозначения зарегистрировать его в качестве товарного знака. В частности, из материалов дела не усматривается, что истцом предпринимались действия по подаче заявки на регистрацию тождественного или сходного обозначения, которые могли быть расценены как подготовительные действия.

Использование производителем спорного обозначения без регистрации в качестве товарного знака в случае, когда персонаж является объектом авторского права, приводит к нарушению исключительного права на произведение.

Указанные обстоятельства создают разумные сомнения, что досрочное прекращение правовой охраны товарного знака позволит производителю реально использовать спорное обозначение в своей коммерческой деятельности, не нарушая прав и законных интересов ответчика.

Определение № 300-ЭС25-2343

20. Если в ходе рассмотрения спора по иску о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака выяснится факт смерти лица, указанного в реестре в качестве правообладателя на момент подачи иска, суд производит замену ответчика на правопреемника в порядке процессуального правопреемства.

Общество обратилось в Суд по интеллектуальным правам с иском о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака к предпринимателю, который был указан в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации (далее – Государственный реестр) в качестве правообладателя.

Суд по интеллектуальным правам, установив факт смерти предпринимателя, произвел в порядке процессуального правопреемства замену предпринимателя на наследника.

Президиум Суда по интеллектуальным правам отменил определение суда о замене ответчика в порядке процессуального правопреемства, указав на возможность правопреемства лишь при смене правообладателя товарного знака в ходе рассмотрения дела, то есть если на дату подачи иска требование заявлено к существующему лицу. Между тем по данному делу предприниматель не обладал гражданской и процессуальной правоспособностью уже на момент обращения общества в суд.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление президиума Суда по интеллектуальным правам и оставила в силе определение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В системе действующего правового регулирования государственная регистрация обязательна для признания вновь вводимых в оборот товарных знаков самостоятельными объектами гражданских прав, в том числе исключительного права на них соответствующих юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, то есть имеет правообразующее

значение и осуществляется согласно статье 1480 ГК РФ Федеральной службой по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент) в Государственном реестре в порядке, установленном статьями 1503 и 1505 ГК РФ.

При этом государственная регистрация перехода исключительного права на товарный знак в случае универсального правопреемства – в отличие от государственной регистрации вновь вводимых в оборот товарных знаков – носит правоподтверждающий, а не правообразующий характер и, будучи формальным условием обеспечения государственной, в том числе судебной, защиты права, не затрагивает самого его содержания и призвана лишь удостоверить со стороны государства принадлежность данного права определенному лицу (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2018 г. № 28-П).

Исходя из содержания нормы статьи 1486 ГК РФ и разъяснений, данных в пункте 168 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума № 10), требование о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования подается заинтересованным лицом к лицу, являющемуся обладателем исключительного права на соответствующий товарный знак на момент предъявления иска. При этом решение о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования может быть вынесено только в отношении правообладателя, являющегося таковым на момент вынесения судом первой инстанции решения.

Таким образом, иск о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака всегда адресуется обладателю исключительного права, указанному таковым в Государственном реестре, поскольку именно он является носителем обязанности по использованию обозначения.

Государственная регистрация перехода к правопреемнику (наследнику) исключительного права на товарный знак в связи со смертью предпринимателя была произведена Роспатентом в ходе рассмотрения настоящего иска.

Таким образом, на момент направления истцом досудебного предложения и принятия судом к производству данного иска правообладателем оспариваемого товарного знака согласно сведениям, размещенным в Государственном реестре, значился именно предприниматель.

До того момента, пока в Государственный реестр не была внесена соответствующая запись, истец объективно не мог указать в иске в качестве ответчика его правопреемника.

Вывод президиума суда о невозможности в рассматриваемой ситуации процессуальной замены ответчика основан на неверном толковании норм права и сделан без учета специфики спорных правоотношений, касающихся досрочного прекращения правовой охраны товарного знака.

Отказ в процессуальной замене в подобной ситуации означал бы, что истец фактически лишается возможности защиты своих прав, поскольку на момент подачи иска Государственный реестр еще не отражал действительного субъекта права и иск к потенциальному наследнику формально был невозможен.

Поскольку в ходе рассмотрения спора Роспатент осуществил государственную регистрацию перехода исключительного права на товарный знак и правообладателем товарного знака стал наследник, суд первой инстанции с учетом разъяснений, приведенных в абзаце втором пункта 168 постановления Пленума № 10, на основании статьи 48 АПК РФ правомерно заменил ответчика его правопреемником.

Определение № 300-ЭС25-6531

21. В случае признания патента на изобретение недействительным лицензиар вправе требовать уплаты лицензионных платежей за период, когда стороны исходили из действительности патента и исполняли лицензионный договор.

Между обществом (лицензиар) и заводом (лицензиат) заключен лицензионный договор, по условиям которого лицензиар предоставил лицензиату за вознаграждение неисключительную лицензию на использование изобретения, охраняемого патентом, право на изготовление, применение и иное введение в хозяйственный оборот продукции на основе лицензии.

Общество сообщило заводу о прекращении договорных отношений с 1 января 2021 г. в связи с истечением срока действия договора.

Решением Роспатента от 30 октября 2021 г. патент признан недействительным полностью.

Указывая, что завод не оплатил счета, выставленные за период до прекращения договорных отношений, общество обратилось в арбитражный суд с требованием о взыскании задолженности и процентов.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и Суда по интеллектуальным правам, в иске отказал. Суды пришли к выводу, что признание недействительным патента ведет к прекращению всех обязательств по лицензионному договору.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с пунктами 4, 5 статьи 1398 ГК РФ патент на изобретение признается недействительным полностью или частично на основании решения, принятого федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 1248 ГК РФ либо вступившего в законную силу решения суда. Патент

на изобретение, признанный недействительным полностью или частично, аннулируется с даты подачи заявки на патент.

При этом пунктом 6 статьи 1398 ГК РФ установлено, что лицензионные договоры, заключенные на основе патента на изобретение, признанного впоследствии недействительным, сохраняют действие в той мере, в какой они были исполнены к моменту принятия решения о недействительности патента.

Согласно разъяснениям, данным в пункте 141 постановления Пленума № 10, с момента признания патента недействительным заключенные лицензионные договоры прекращают свое действие. С учетом изложенного судам надлежит исходить из следующего: в удовлетворении требования лицензиата о возврате лицензионных платежей за период, предшествующий признанию патента недействительным, должно быть отказано. В то же время лицензиар вправе требовать неуплаченных лицензионных платежей за соответствующий период.

Таким образом, исходя из нормы статьи 1398 ГК РФ и приведенных разъяснений в случае признания патента на изобретение недействительным лицензиар вправе требовать уплаты лицензионных платежей за период, когда лицензионный договор исполнялся сторонами, предполагая, что патент действителен.

Стороны предусмотрели, что после прекращения срока действия договора его положения будут применяться до тех пор, пока не будут окончательно урегулированы платежи, обязательства по которым возникли в период его действия.

Кроме того, истец в подтверждение исполнения лицензиатом договора до прекращения его действия и аннулирования патента представил в материалы дела отчеты с информацией об объемах и стоимости продукции, произведенной по лицензии в заявленный в иске период, и о цене реализации продукции, которые были получены от ответчика.

Однако суд первой инстанции, ограничившись лишь ссылкой на отрицание ответчиком наличия обязательства по уплате платежей, не исследовал надлежащим образом обстоятельства исполнения лицензиатом договора, не дал содержательной оценки направленным им отчетам, не проверил наличие задолженности и ее размер.

Определение № 310-ЭС25-9110

Споры, связанные с применением законодательства в сфере закупок для государственных (муниципальных) нужд

22. Денежные средства, полученные исполнителем за должным образом оказанные услуги, но перечисленные заказчиком с нарушением бюджетного законодательства, не подлежат квалификации в качестве неосновательного обогащения.

В рамках заключенных государственных контрактов предприятием учреждению оказаны услуги по круглосуточной физической охране территорий и находящегося на них имущества, а также элементов объектов незавершенного строительства. Учреждением названные услуги приняты и оплачены в полном объеме.

По результатам проведенной управлением казначейства проверки выявлено осуществление учреждением расходов, не соответствующих целям предоставления указанных услуг, а именно: расходы на оказание услуг по круглосуточной физической охране территорий и находящегося на них имущества, а также элементов объектов незавершенного строительства осуществлены по виду расходов 141 «Бюджетные инвестиции в объекты капитального строительства государственной (муниципальной) собственности», тогда как расходы по оплате охраны объектов незавершенного строительства осуществлялись по виду расходов 244 «Прочая закупка товаров, работ и услуг». На этом основании управлением казначейства учреждению выданы соответствующие представления.

Полагая, что денежные средства перечислены в адрес предприятия неправомерно, учреждение обратилось к нему с требованием о возмещении причиненного ущерба Российской Федерации путем возврата денежных средств.

Оставление предприятием указанного требования без удовлетворения послужило основанием для обращения учреждения в арбитражный суд с иском о взыскании с предприятия в его пользу неосновательного обогащения в размере выплаченной суммы.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении исковых требований отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, решение суда отменено, исковые требования удовлетворены в полном объеме.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда по следующим основаниям.

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных статьей 1109 ГК РФ. Правила, предусмотренные главой 60 «Обязательства вследствие неосновательного обогащения» ГК РФ, применяются независимо от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли.

Фактическая оплата работ, выполненных по договору подряда, исключает возможность квалифицировать полученные денежные средства как неосновательное обогащение.

С учетом того что контракты заключены с соблюдением требований Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ), факт оказания предприятием услуг, их принятие и оплата учреждением судами установлены, сторонами не оспариваются и подтверждаются материалами дела, правила главы 60 ГК РФ к рассматриваемой ситуации неприменимы.

Часть 1 статьи 1 Закона № 44-ФЗ устанавливает, что данный федеральный закон регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок, в том числе в части, касающейся контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

В целях развития добросовестной конкуренции, обеспечения гласности и прозрачности закупки, предотвращения коррупции и других злоупотреблений Законом № 44-ФЗ установлены особенности заключения, изменения, расторжения, исполнения государственных (муниципальных) контрактов и ответственности за их неисполнение и ненадлежащее исполнение, но в названном законе не содержится исчерпывающего регулирования гражданско-правовых отношений, возникающих в связи с государственным (муниципальным) контрактом.

Поскольку в силу части 1 статьи 2 Закона № 44-ФЗ законодательство о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд основывается на положениях ГК РФ, при разрешении споров, вытекающих из государственных (муниципальных) контрактов, суды руководствуются нормами Закона № 44-ФЗ, толкуемыми во взаимосвязи с положениями ГК РФ, а при отсутствии специальных норм – непосредственно нормами ГК РФ.

Какие-либо положения ГК РФ, Закона № 44-ФЗ прямо не предусматривают того, что денежные средства, полученные исполнителем за должным образом оказанные услуги по действующему контракту, но перечисленные с нарушениями законодательства по вине заказчика, подлежат возврату исполнителем. Кроме того, представления управления казначейства выданы учреждению, а не предприятию.

Соответственно, у судов апелляционной и кассационной инстанций не было оснований для отмены акта суда первой инстанций.

23. Условия договора, заключенного на основании Закона о закупках отдельными видами юридических лиц, предусматривающие обязанность поставщика при привлечении третьих лиц соблюдать критерии добросовестности и должной осмотрительности при выборе контрагента, не являются избыточными требованиями к контрагенту.

По результатам рассмотрения жалобы общества на нарушение заказчиком и организатором торгов положений Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» ввиду установления в проекте договора избыточных требований к поставщику в ходе исполнения договора заказчик и организатор торгов признаны антимонопольным органом нарушившими часть 1 статьи 2 Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон о закупках). Им выдано предписание об устранении выявленного нарушения.

Основанием для вынесения указанного предписания послужил вывод антимонопольного органа о том, что положения проекта договора, предусматривающие необходимость проверки добросовестности контрагентов, привлекаемых для исполнения заключенного по результатам закупки договора, необоснованно возлагают на поставщика ответственность за соответствие привлеченных им субпоставщиков критериям добросовестности.

Не согласившись с предписанием антимонопольного органа, заказчик и организатор торгов обратились в арбитражный суд с заявлением о признании предписания незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Суд кассационной инстанции отменил решение суда, постановление суда апелляционной инстанции и отказал в удовлетворении заявления заказчика и организатора торгов.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда, отметив следующее.

В силу части 1 статьи 3 Закона о закупках к принципам, которыми должны руководствоваться заказчики при закупке товаров, работ, услуг, включая разработку положения о закупке, в частности, относятся равноправие (отсутствие дискриминации) участников закупки и недопустимость необоснованного ограничения конкуренции (пункт 2); целевое и экономически эффективное расходование денежных средств на приобретение товаров, работ, услуг (с учетом при необходимости стоимости жизненного цикла закупаемой продукции) и реализация мер, направленных на сокращение издержек заказчика (пункт 3).

Таким образом, заказчикам предоставлено право сформировать свою систему закупок в зависимости от особенностей осуществления деятельности, установив при необходимости дополнительные требования к участникам закупки. При этом Закон о закупках не обязывает заказчиков допускать к участию в закупке всех хозяйствующих субъектов, имеющих намерение получить прибыль в результате заключения договора.

В рассматриваемом случае антимонопольным органом не доказано и судами не установлено обстоятельств, свидетельствующих о том, что при формировании положений закупочной документации и проекта договора заказчиком созданы условия, при которых хозяйствующий субъект или несколько хозяйствующих субъектов поставлены в неравное положение по сравнению с другим хозяйствующим субъектом или другими хозяйствующими субъектами, либо что рассматриваемые условия были включены в документацию о закупке в интересах определенного хозяйствующего субъекта.

Напротив, установленное условие проверки добросовестности привлекаемых к выполнению договора третьих лиц относится к способу и порядку исполнения, не является требованием к участникам закупки, не относится к процедуре закупки, не препятствует подаче заявки и участию в закупке, в равной мере применяется ко всем участникам закупки и не создает преимуществ конкретному лицу, а направлено на выбор поставщиком проверенного контрагента, имеющего устойчивую и положительную репутацию на рынке продаж, исключает возможные финансовые и налоговые риски, а также отвечает целям эффективного использования источников финансирования.

Спорные условия проекта договора являются для заказчика существенными, поскольку защищают его от возможных негативных последствий в ходе налоговой проверки и при применении налоговых вычетов по налогу на добавленную стоимость в полном объеме даже в ситуации, когда контрагент оказался недостаточно добросовестным.

С учетом изложенного суды первой и апелляционной инстанций пришли к обоснованному выводу о том, что спорные условия проекта договора, размещенного в составе документации о закупке, не свидетельствуют о нарушении заказчиком и организатором закупки требований Закона о закупках, и правомерно признали оспариваемое предписание антимонопольного органа незаконным.

Определение № 305-ЭС25-9790

Споры, связанные с применением законодательства о налогах и сборах

24. Налогоплательщик (налоговый агент) несет риск негативных последствий проведенной камеральной налоговой проверки, связанных с доначислением налогов и привлечением к налоговой ответственности,

в случае неисполнения законного требования налогового органа о представлении дополнительных пояснений и документов.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным решения налогового органа о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, предусмотренного пунктом 1 статьи 123 НК РФ, в связи с неподтверждением факта перечисления физическим лицам – работникам общества денежных средств в качестве выплат, не подлежащих включению в налоговую базу по НДФЛ в соответствии со статьей 217 НК РФ.

Основанием для вынесения указанного решения послужил отказ общества представить налоговому органу при проведении камеральной проверки документы по расчету страховых взносов, подтверждающие обоснованность отражения сумм, не подлежащих обложению страховыми взносами, и применения пониженных тарифов страховых взносов. Общество сослалось на отсутствие у налогового органа полномочий запрашивать дополнительные документы, поскольку пункт 7 статьи 88 НК РФ при проведении камеральной проверки не предусматривает возможность проведения расширительных мероприятий налогового контроля.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суд кассационной инстанции указанные судебные акты отменил, заявление общества удовлетворил.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе акты нижестоящих судов с учетом следующего.

Согласно положениям пункта 1 статьи 88 НК РФ камеральная налоговая проверка проводится по месту нахождения налогового органа на основе налоговых деклараций (расчетов) и документов, представленных налогоплательщиком, а также других документов о деятельности налогоплательщика, имеющихся у налогового органа, если иное не предусмотрено главой 14 НК РФ.

Пунктом 3 статьи 88 НК РФ установлено, что, если камеральной налоговой проверкой (за исключением камеральной налоговой проверки на основе заявления, указанного в пункте 2 статьи 221¹ НК РФ) выявлены ошибки в налоговой декларации (расчете) и (или) противоречия между сведениями, содержащимися в представленных документах, либо выявлены несоответствия сведений, представленных налогоплательщиком, сведениям, содержащимся в документах, имеющихся у налогового органа, и полученным им в ходе налогового контроля, об этом сообщается налогоплательщику с требованием представить в течение пяти дней необходимые пояснения или внести соответствующие исправления в установленный срок.

Таким образом, при осуществлении контрольных мероприятий налоговый орган во всех случаях сомнений в правильности уплаты налогов и тем более обнаружения признаков налогового правонарушения обязан

воспользоваться предоставленным ему правомочием истребовать у плательщика необходимую информацию (документы).

В свою очередь налогоплательщику, представившему в налоговый орган пояснения относительно выявленных ошибок в налоговой декларации (расчете), в силу пункта 4 статьи 88 НК РФ гарантируется право дополнительно представить в налоговый орган выписки из регистров налогового и (или) бухгалтерского учета и (или) иные документы, подтверждающие достоверность данных, внесенных в налоговую декларацию (расчет).

С учетом того что налоговый орган при проведении проверки обязан исходить из имеющихся у него документов и сведений, риск негативных последствий проведенной камеральной налоговой проверки, связанных с доначислением налогов и привлечением к налоговой ответственности, возлагается на налогоплательщика (налогового агента), не представившего вместе с пояснениями необходимые для проверки документы и не устранившего сомнения в правильности и достоверности сведений, содержащихся в налоговой декларации.

Настаивая на законности принятого в отношении общества решения, налоговый орган обращал внимание судов на то обстоятельство, что общество не только уклонялось от представления соответствующих пояснений (документов) в рамках камеральной проверки расчета 6-НДФЛ, но и не исполнило требование налогового органа о представлении документов (информации) в рамках камеральной налоговой проверки уточненного расчета по страховым взносам, право на истребование которых налоговым органом закреплено в пункте 8⁶ статьи 88 НК РФ.

В этой связи общество должно было в силу статьи 65 АПК РФ доказать те обстоятельства, на которое оно ссылалось в обоснование своей позиции по спору, однако, несмотря на неоднократные требования по представлению документов, подтверждающих произведенные расчеты при исчислении НДФЛ, такие доказательства заявитель ни налоговому органу, ни суду не представил.

Определение № 309-ЭС25-6656

Споры, связанные с обжалованием ненормативных правовых актов государственных органов

25. Наличие паспорта транспортного средства является обязательным условием для оформления регистрационного документа на транспортное средство, реализованное как товар в рамках осуществления предпринимательской деятельности.

Индивидуальный предприниматель обратился в орган обеспечения безопасности дорожного движения субъекта Российской Федерации (далее –

административный орган) с заявлением об оформлении регистрационного документа на автомобиль, являющийся товаром, в связи с перегоном его по территории Российской Федерации к месту продажи.

Административный орган уведомлением отказал в совершении регистрационного действия ввиду непредставления паспорта транспортного средства (далее также – ПТС), а также отсутствия электронного паспорта транспортного средства (далее также – ЭПТС) со статусом «действующий» в системе электронных паспортов.

Не согласившись с указанным уведомлением, индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, требования предпринимателя удовлетворены.

Суды со ссылкой на пункт 3 статьи 15 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (далее – Закон № 196-ФЗ) пришли к выводу, что требование об обязательном государственном учете транспортного средства не распространяется на принадлежащий заявителю автомобиль, который является реализуемым в ходе предпринимательской деятельности товаром, не состоявшим на государственном учете, и в отношении которого действующим законодательством предусмотрено совершение отдельного регистрационного действия – оформления регистрационного документа, идентифицирующего транспортное средство, с выдачей государственного регистрационного знака «Транзит» на срок 30 дней.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и отказала в удовлетворении заявленных требований с учетом следующего.

Согласно положениям части 1 статьи 14 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 283-ФЗ) ПТС (паспорт транспортного средства) и регистрационный документ являются документами, идентифицирующими транспортное средство.

К регистрационным документам относятся свидетельство о регистрации транспортного средства (далее – СТС) и регистрационные документы, установленные нормативными правовыми актами Российской Федерации, РСФСР, СССР, выданные до 1993 года, в том числе свидетельство о регистрации транспортного средства, технический паспорт транспортного средства, технический талон транспортного средства (часть 2 статьи 14 Закона № 283-ФЗ).

В статье 15 данного закона в числе документов, представляемых для совершения регистрационных действий, указаны документы, идентифицирующие транспортное средство (представление указанных

документов не требуется лишь в случае оформления этих документов взамен утраченных).

Таким образом, Закон № 283-ФЗ не позволяет административному органу осуществить испрашиваемое регистрационное действие в отсутствие документов, идентифицирующих транспортное средство (ПТС или ранее выданное СТС).

Выводы судов о том, что требование о наличии ПТС (ЭПТС) распространяется только на процедуру государственного учета, ошибочны также и в связи с тем, что согласно требованиям Технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» ТР ТС 018/2011, утвержденного решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877, ПТС (ЭПТС) выдается в случае соответствия транспортного средства требованиям Технического регламента, который подтверждается одобрением типа транспортного средства или свидетельства о безопасности конструкции транспортного средства.

Однако указанных документов предпринимателем в регистрационный орган представлено не было.

С учетом изложенного наличие ПТС являлось обязательным условием совершения заявленного регистрационного действия в целях допуска к участию в дорожном движении приобретенного предпринимателем товара как транспортного средства.

Определение № 307-ЭС25-7434

26. Для строительства на территории аэровокзала технически сложного объекта недвижимости пропускной способностью 100 пассажиров в час и более требуется получение разрешения на строительство, заключение, подготовленное по результатам экспертизы проектной документации, и результаты инженерных изысканий.

В транспортную прокуратуру поступила информация административного органа о строительстве капитального объекта (пассажирского павильона) на территории аэровокзала в отсутствие соответствующего разрешения, предусмотренного градостроительным законодательством.

По результатам проверки прокуратура пришла к выводу о том, что аэровокзал является особо опасным, технически сложным объектом массового пребывания граждан, в связи с чем отсутствие разрешения на строительство, заключения государственной экспертизы, сопровождения государственного строительного надзора может повлиять на безопасность последующей его эксплуатации. Кроме того, аэровокзал не отвечает признакам некапитального, сборно-разборного сооружения полной заводской готовности, а является объектом капитального строительства, поскольку имеет прочную связь с землей. Следовательно, необходимо получение

разрешения на строительство объекта, а также направление извещения о начале строительства в орган государственного строительного надзора.

Данные обстоятельства послужили основанием для вынесения представления, в котором обществу указано на необходимость принятия мер по устранению выявленных нарушений закона.

Считая свои права нарушенными, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании представления прокуратуры незаконным.

Решением суда первой инстанции требование общества удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда отменено, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суд кассационной инстанции отменил постановление апелляционного суда и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции в связи со следующим.

По результатам рассмотрения дела достоверно установлено, что терминал прилета относится к особо опасным, технически сложным объектам инфраструктуры воздушного транспорта, в отношении которого осуществляется специальное правовое регулирование и федеральный государственный строительный надзор.

При этом вопросы капитальности строения, ключевыми признаками которого являются прочность связи объекта с землей, возможность его перемещения и последующей сборки без несоразмерного ущерба его назначению, без изменения его основных характеристик, разрешаются с учетом назначения этого строения, обстоятельств, связанных с его созданием, и являются юридическими. Спорный объект не отвечает признакам некапитального, модульного, сборно-разборного строения полной заводской готовности, а является объектом капитального строительства, поскольку имеет прочную связь с землей, его основание – заглубленный свайный фундамент, состоящий из 134 железобетонных свай длиной 8 и 9 метров, вбитых в грунт, возведенный непосредственно для спорного строения, связанный с несущими конструкциями и обеспечивающий пространственную устойчивость, воспринимающий его нагрузку; строение не является временным, срок его службы не ограничен; к нему на постоянной основе подведены сети электроснабжения и электроосвещения, водоснабжения и водоотведения, канализации, отопления, вентиляции и кондиционирования, связи, средства обеспечения пожарной безопасности и иные коммуникации; возможность свободного перемещения павильона (с его несущими конструкциями, сетями и системами инженерно-технического обеспечения) без нанесения несоразмерного ущерба назначению и без изменения основных характеристик не установлена.

В этой связи исходя из особого правового режима аэровокзала (пункт 2 статьи 7¹ Воздушного кодекса Российской Федерации), независимо

от наличия у объекта признаков капитального либо некапитального строения, при его строительстве требуется проведение экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий, выполненных для подготовки такой документации, в соответствии с пунктом 5¹ части 1 статьи 6 Градостроительного кодекса Российской Федерации, что относится к компетенции уполномоченных органов исполнительной власти Российской Федерации.

В рассматриваемом случае объект возведен с отступлением от технического задания и его строительство без получения разрешения на строительство, заключения государственной экспертизы в отсутствие сопровождения государственного строительного надзора может повлиять на безопасность последующей его эксплуатации, создать угрозу жизни и здоровью пассажиров, вызвать иные негативные последствия.

С учетом обстоятельств, связанных с нарушением обществом федерального законодательства при модернизации аэропорта, является правомерным вывод суда апелляционной инстанции о законности вынесенного прокуратурой представления с указанием на необходимость принятия исчерпывающих мер по устранению выявленных нарушений закона, причин и условий, им способствующих.

Определение № 302-ЭС25-7495

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

27. Об умысле, направленном на лишение жизни, свидетельствует характер действий виновного, который облил потерпевшего легковоспламеняющейся жидкостью (бензином) и поджег его.

По приговору Орловского областного суда от 14 июля 2023 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, М. осужден по пункту «д» части 2 статьи 105 УК РФ к 12 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, с ограничением свободы на срок 1 год с возложением обязанности и установлением ограничений, предусмотренных статьей 53 УК РФ.

В кассационной жалобе осужденный М. просил отменить приговор и апелляционное определение, уголовное дело передать на новое судебное рассмотрение, в частности отмечал, что в деле отсутствуют доказательства наличия у него умысла на убийство собственного сына. М. полагал, что его действия следовало квалифицировать по части 4 статьи 111 УК РФ, поскольку, как указано в жалобе, тяжкий вред здоровью сына он причинил умышленно, но по отношению к смерти он действовал неосторожно, так как не предвидел наступления последствий в виде смерти потерпевшего.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила кассационную жалобу осужденного без удовлетворения, указав следующее.

Юридическая оценка действиям М. по пункту «д» части 2 статьи 105 УК РФ судом дана правильно, при этом каких-либо оснований для квалификации его действий по части 4 статьи 111 УК РФ не имеется.

Об умысле М. на лишение жизни потерпевшего, как обоснованно указал суд, свидетельствует сам характер его действий, выразившихся в том, что он облил легковоспламеняющейся жидкостью (бензином) потерпевшего Д. и умышленно поджег его зажженной спичкой, при этом виновный не мог не осознавать, что в результате совершения таких действий могут наступить последствия в виде смерти потерпевшего.

Определение № 37-УД24-1-А1

28. Суд, квалифицируя деяния по части 2 статьи 167 Уголовного кодекса Российской Федерации по признаку совершения преступления путем поджога, должен исходить не только из способа умышленного уничтожения имущества – с применением огня, но и из условий его возможного распространения на другие объекты и возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, а также чужому имуществу.

По приговору Верховного Суда Республики Мордовия от 14 августа 2023 г. с участием коллегии присяжных заседателей П. осужден, помимо прочего, по части 2 статьи 167 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 25 декабря 2023 г. приговор в отношении П. оставлен без изменения.

В кассационной жалобе осужденный П. просил отменить судебные решения вследствие существенных нарушений уголовно-процессуального закона.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отметила следующее.

По приговору содеянное П. в части поджога автомобиля У. и находившегося в нем имущества квалифицировано по части 2 статьи 167 УК РФ как умышленное уничтожение чужого имущества, повлекшее причинение значительного ущерба, совершенное путем поджога.

Как установил суд на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, после совершенных разбойного нападения и угона автомобиля П., находясь на расстоянии 350 м в юго-западном направлении от лестницы моста автомобильной дороги и примерно на расстоянии 438 м в юго-западном направлении от дома, совершил поджог автомобиля с находившимся в нем трупом У. и ее имуществом, в результате чего были

уничтожены автомобиль и различное имущество (перечень которого указан в приговоре) на общую сумму 585 000 руб., то есть в значительном размере.

Вместе с тем при квалификации действий П. в данной части не учтены разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащиеся в постановлении от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» (в редакции от 18 октября 2012 г.), согласно которым умышленное уничтожение или повреждение отдельных предметов с применением огня в условиях, исключающих его распространение на другие объекты и возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, а также чужому имуществу, надлежит квалифицировать по части 1 статьи 167 УК РФ, если потерпевшему причинен значительный ущерб.

Выводов о том, что в результате поджога автомобиля У. с находившимися внутри вещами создавалась реальная угроза распространения огня на какие-либо иные объекты, причинения вреда жизни и здоровью людей или какому-либо имуществу, в приговоре не приведено, что является существенным нарушением уголовного закона.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в этой части изменила приговор и апелляционное определение: переквалифицировала действия П. с части 2 статьи 167 на часть 1 статьи 167 УК РФ.

Определение № 15-УД24-3СП-А4

29. Суд первой инстанции правильно признал лицо виновным в незаконном приобретении без цели сбыта наркотического средства в значительном размере путем присвоения найденного свертка.

По приговору Дзержинского районного суда г. Перми от 3 октября 2023 г. Я., ранее судимый, осужден по части 1 статьи 228 УК РФ к 1 году 5 месяцам лишения свободы за незаконные приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств в значительном размере.

Судом апелляционной инстанции приговор оставлен без изменения.

Кассационным постановлением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июня 2024 г. приговор и апелляционное постановление изменены. Исключено осуждение Я. за незаконное приобретение наркотических средств, постановлено считать его осужденным по части 1 статьи 228 УК РФ за незаконное хранение без цели сбыта наркотических средств в значительном размере. Назначенное наказание смягчено. В остальной части судебные решения оставлены без изменения.

В представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил об отмене кассационного постановления и о направлении уголовного дела в отношении Я. на новое кассационное

рассмотрение, поскольку суд кассационной инстанции необоснованно исключил из осуждения Я. незаконное приобретение наркотических средств без цели сбыта, притом что суд первой инстанции установил и привел в приговоре действия, образующие объективную сторону данного преступления и обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с требованиями статьи 73 УПК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июня 2024 г. в отношении Я., уголовное дело передала на новое кассационное рассмотрение в тот же суд по следующим основаниям².

Как следует из описательно-мотивировочной части приговора, 29 марта 2023 г. в дневное время Я., находясь у торца дома, в оттаявшем снегу нашел сверток из изоленды черного цвета, внутри которого находились два пакета с порошкообразным веществом белого цвета, содержащим в своем составе наркотическое средство – мефедрон (4-метилметкатинон) общей массой не менее 1,553 г, что является значительным размером, тем самым путем находки незаконно приобрел его для личного потребления без цели сбыта. Затем Я. поднял сверток и, поняв, что это наркотическое средство, убрал его в карман своей куртки, после чего стал незаконно хранить для личного потребления без цели сбыта до момента его задержания.

Суд апелляционной инстанции, в том числе отвечая на довод осужденного о находке им наркотического средства, признал обоснованным вывод суда первой инстанции о том, что совокупностью исследованных доказательств опровергается утверждение Я. о непричастности к приобретению им наркотического средства, которое он обнаружил на улице и хранил при себе в номере гостиницы вплоть до его изъятия.

Седьмой кассационный суд общей юрисдикции, рассматривая уголовное дело по жалобе осужденного Я., исключил его осуждение за незаконное приобретение наркотических средств, мотивировав тем, что в приговоре не описано преступное деяние, касающееся приобретения наркотических средств, а именно не указано время, место, конкретный способ их приобретения, то есть пришел к выводу о том, что суд первой инстанции не установил и не привел в приговоре фактические обстоятельства, составляющие объективную сторону преступления, подлежащие доказыванию по уголовному делу, что является обязательным условием наступления уголовной ответственности. При этом суждений относительно того, почему установленное судом первой инстанции и изложенное в приговоре событие не может расцениваться как незаконное приобретение Я. без цели сбыта наркотических средств, не высказал.

Вместе с тем данный вывод суда кассационной инстанции противоречит материалам дела, установленным в приговоре обстоятельствам

² Кассационным постановлением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 декабря 2024 г. приговор и апелляционное постановление в части квалификации действий Я. оставлены без изменения.

совершения преступления и разъяснениям, содержащимся в пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», о том, что под незаконным приобретением без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, надлежит считать их получение любым способом, в том числе покупку, получение в дар, а также в качестве средства взаиморасчета за проделанную работу, оказанную услугу или в уплату долга, в обмен на другие товары и вещи, присвоение найденного, сбор дикорастущих растений или их частей.

Таким образом, исходя из вышеуказанных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации присвоение найденного наркотического средства также относится к незаконному приобретению без цели сбыта наркотических средств.

Определение № 44-УДП24-27-К7

Назначение наказания

30. Суд, принимая решение об освобождении от отбывания наказания на основании положений статьи 80¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, должен указать, какие свидетельствующие об изменении обстановки обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что лицо либо совершенное им преступление перестали быть общественно опасными.

По приговору Шелеховского городского суда Иркутской области от 14 июня 2023 г., оставленному без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, Т. осужден по части 3 статьи 159² УК РФ к 2 годам лишения свободы. На основании части 6 статьи 15 УК РФ изменена категория преступления на преступление средней тяжести. В соответствии со статьей 80¹ УК РФ Т. освобожден от отбывания назначенного наказания в связи с изменением обстановки.

По данному делу осуждены также Б.Н. и Б.К.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил состоявшиеся в отношении Т. судебные решения отменить, уголовное дело передать на новое судебное рассмотрение, указывая, в частности, на то, что в ходе судебного разбирательства судом не установлены обстоятельства, позволяющие сделать вывод о том, что с момента совершения преступления и до вынесения итогового решения по делу имели место объективные события, повлиявшие на степень общественной опасности совершенного Т. мошенничества.

Обстоятельств, свидетельствующих об утрате Т. как лицом, совершившим преступление, общественной опасности, суд в приговоре также не привел. Выводы суда о достаточности положительных действий, совершенных Т., и данных о его личности для освобождения от назначенного наказания в связи с изменением обстановки не аргументированы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные решения в отношении Т., уголовное дело направила на новое рассмотрение в Шелеховский городской суд Иркутской области, отметив следующее.

Суд установил, что Т., действуя в составе группы лиц, представил в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (далее – МФЦ) пакет документов, содержащих заведомо ложные сведения об объекте недвижимости, на основании которых был осуществлен государственный кадастровый учет недвижимого имущества – несуществующего жилого дома. Затем Т. совместно с Б.Н. и Б.К. представил в МФЦ пакет документов по договору купли-продажи объектов недвижимости, на основании которых было зарегистрировано право собственности на земельный участок и несуществующий жилой дом на имя Б.Н., которой из бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации со счета Отделения Иркутск Банка России УФК по Иркутской области г. Иркутск на расчетный счет кредитного потребительского кооператива «Т.» были перечислены денежные средства, выделенные в рамках реализации национального проекта «Демография» в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в сумме 639 431 руб. 83 коп., 250 000 руб. из которых Б.Н. передала Т. и Б.К. Таким образом, из установленных судом фактических обстоятельств уголовного дела следует, что действия Т. были активны, направлены на совершение преступления и реализацию преступных намерений.

Суд, принимая решение об освобождении Т. от отбывания наказания в связи с изменением обстановки, сослался на то, что обстоятельства дела и личность виновного в совокупности свидетельствуют о меньшей степени общественной опасности совершенного им преступления и об уменьшении общественной опасности его самого.

Однако такие обстоятельства не могут являться основанием для применения норм статьи 80¹ УК РФ, которые предусматривают возможность освобождения от наказания лишь в том случае, если лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными.

Не привел в приговоре суд и сведений о том, в чем именно выразилось изменение обстановки после совершения преступления, поскольку ни данные о личности осужденного, ни обстоятельства, связанные с преступлением, с момента его совершения и до удаления суда в совещательную комнату для принятия окончательного решения по делу не изменились.

Возмещение обвиняемым причиненного имущественного ущерба признается законом смягчающим наказание обстоятельством (пункт «к» части 1 статьи 61 УК РФ).

Таким образом, приговор Шелеховского городского суда Иркутской области от 14 июня 2023 г. нельзя признать законным.

Определение № 66-УДП24-14-К8

Процессуальные вопросы

31. С учетом положений части 6 статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации суд обоснованно удовлетворил ходатайство об оглашении показаний несовершеннолетней потерпевшей, данных на предварительном следствии, без вызова ее для допроса в судебное заседание, сославшись на имеющиеся в деле материалы (заключение и показания эксперта), подтверждающие то, что участие в судебных действиях может негативно сказаться на психическом состоянии несовершеннолетней.

К. осужден за похищение малолетней А. группой лиц по предварительному сговору, ее изнасилование и действия сексуального характера с применением насилия, с использованием беспомощного состояния потерпевшей, сопряженные с совершением другого особо тяжкого преступления против личности, покушение на убийство А., сопряженное с похищением человека, изнасилованием и действиями сексуального характера.

В кассационной жалобе осужденный К. просил об отмене приговора, ссылаясь на допущенные по делу нарушения уголовно-процессуального закона, в частности оспаривал законность оглашения показаний потерпевшей А.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения кассационной жалобы осужденного по следующим основаниям.

Вопрос о возможности вызова малолетней потерпевшей в судебное заседание был рассмотрен судом с учетом мнения сторон, исследованных в судебном заседании доказательств, свидетельствующих о ее психическом состоянии, и разрешен в соответствии с законом.

При этом суд, удовлетворяя ходатайство государственного обвинителя об оглашении показаний потерпевшей, данных ею в ходе предварительного расследования уголовного дела, и признавая ее явку для допроса невозможной, обоснованно сослался на результаты комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, согласно которой участие А. в судебно-следственных действиях не рекомендуется, поскольку может негативно повлиять на ее психическое состояние, показания эксперта-психолога В. о том, что допрос малолетней А. может привести

к эмоциональной дестабилизации ее психики, справку психолога Л. и пояснения законного представителя А. – А.К.³.

Определение № 64-УД24-3-А5

32. Право на защиту было признано нарушенным, поскольку позиция защитника в ходе судебного заседания расходилась с позицией подсудимого и противоречила его интересам.

По приговору Верховного Суда Луганской Народной Республики от 27 июля 2023 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) Ф. признан виновным в том, что он на почве личных неприязненных отношений умышленно причинил тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, своей матери Ф.Л., 1938 года рождения, повлекший по неосторожности ее смерть.

В кассационной жалобе осужденный оспаривал законность и обоснованность приговора и апелляционного определения, настаивая на своей невиновности. Ф. полагал, что по делу допущены нарушения уголовно-процессуального закона, в том числе нарушение его права на защиту, выразившееся в непрофессиональной деятельности адвоката К., который не оказывал ему надлежащей помощи.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся в отношении Ф. судебные решения, уголовное дело направила на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Как следует из материалов уголовного дела, в ходе судебного заседания подсудимый Ф. изменил свою позицию по делу относительно показаний, данных на стадии предварительного следствия, отрицал нанесение матери телесных повреждений, повлекших ее смерть, выдвинул в судебном заседании версию о возможном проникновении в дом посторонних лиц, которые могли совершить данное преступление с целью завладения имевшимися в доме денежными средствами, и утверждал при этом, что дача показаний на следствии носила вынужденный характер, свидетели по делу, которые не являлись очевидцами произошедшего, его оговаривают, настаивал на их вызове в суд.

Интересы Ф. на стадии предварительного следствия и судебного разбирательства в порядке статьи 51 УПК РФ представлял адвокат К.

Согласно частям 1 и 7 статьи 49 УПК РФ защитником является лицо, осуществляющее в установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве

³ См. пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)».

по уголовному делу. При этом адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого.

В соответствии с положениями подпунктов 3 и 4 пункта 4 статьи 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда он убежден в наличии самооговора доверителя, делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает.

Вместе с тем содержание протокола судебного заседания суда первой инстанции свидетельствует о том, что на протяжении всего судебного разбирательства позиции подсудимого и адвоката по обсуждаемым вопросам расходились.

Так, после заявления подсудимым ходатайства о допросе свидетелей по характеристике его личности защитник оставил разрешение данного ходатайства на усмотрение суда, согласившись с мнением государственного обвинителя об отсутствии в этом необходимости; несмотря на мнение подсудимого о повторном допросе свидетеля К. и вызове свидетеля Т., защитник возражал против этого. При решении вопроса об оглашении в судебном заседании показаний потерпевшей М. и свидетеля Р., не явившихся в суд, защитник, вопреки мнению обвиняемого, возражавшего против их оглашения и настаивавшего на их допросе, согласился с мнением государственного обвинителя о возможности оглашения данных показаний. Выступая в прениях, подсудимый оспаривал обоснованность обвинения, достоверность показаний свидетелей Р. и Г., утверждал, что следствие проведено формально и он не виновен в смерти матери, преступление совершено иным лицом. Между тем защитник в своем выступлении в прениях заявил о необходимости квалифицировать содеянное по части 4 статьи 111 УК РФ.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что позиция защитника прямо противоречила позиции и интересам защищаемого им лица, чем было нарушено гарантированное Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законом право Ф. на защиту.

Определение № 129-УД24-4-А1

33. В случае прекращения уголовного дела по реабилитирующему основанию по одной из статей предъявленного подсудимому обвинения процессуальные издержки, связанные с этим обвинением, возмещаются за счет средств федерального бюджета.

По приговору Урайского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 6 декабря 2021 г. Г. осужден по пункту «г» части 4 статьи 228¹, пункту «б» части 3 статьи 228¹, части 2 статьи 228 УК РФ.

С Г. в доход государства взысканы процессуальные издержки в сумме 119 360 руб. – расходы, связанные с вознаграждением адвокатов Л., С., В., Д., принимавших участие в качестве защитников по назначению в ходе предварительного расследования и в судебном разбирательстве.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 19 мая 2022 г. приговор в отношении Г. в части его осуждения по пункту «г» части 4 статьи 228¹ УК РФ отменен. Уголовное дело в этой части прекращено на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления. На основании статьи 134 УПК РФ за Г. признано право на реабилитацию в этой части.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2023 г. приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

В кассационной жалобе осужденный Г. просил изменить состоявшиеся судебные решения в части взыскания с него процессуальных издержек и принять решение о возмещении их за счет средств федерального бюджета. Как отмечал осужденный, из протокола судебного заседания следует, что необходимость назначения ему защитника была обусловлена тяжестью предъявленного обвинения, поскольку участие защитника является обязательным в случае, если лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет. Вместе с тем судом апелляционной инстанции Г. был оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного пунктом «г» части 4 статьи 228¹ УК РФ, в связи с чем считал, что фактически необходимости назначения ему защитника не было и это являлось навязанной услугой. Осужденный полагал, что размер процессуальных издержек должен быть уменьшен.

Проверив доводы, изложенные в кассационной жалобе, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала следующее.

В соответствии с пунктом 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам», в случае оправдания подсудимого по уголовному делу по одной из статей предъявленного обвинения процессуальные издержки, связанные с этим обвинением, возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Суд апелляционной инстанции, уменьшив объем обвинения Г., решение суда первой инстанции в части взыскания процессуальных издержек оставил прежним, свои суждения по данному вопросу, несмотря на исключение из осуждения одного из составов преступления, в апелляционном определении не привел, требования указанного выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не выполнил.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации апелляционное и кассационное определения в отношении Г. в части взыскания с него процессуальных издержек отменила, уголовное дело в этой части направила на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд в ином составе⁴.

Определение № 69-УД24-8-К7

34. Рассмотрение судьей других дел, в том числе гражданских, в период нахождения в совещательной комнате по уголовному делу является нарушением тайны совещания судей при постановлении приговора, которое влечет его отмену.

По приговору Кировского районного суда г. Красноярск от 26 августа 2022 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, З. осужден по части 3 статьи 30, части 1 статьи 161, пункту «г» части 2 статьи 161 УК РФ.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 апреля 2023 г. приговор и апелляционное определение изменены в части назначенного наказания.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил отменить состоявшиеся по делу судебные решения ввиду нарушения тайны совещания судей при постановлении приговора. Автор представления ссылаясь на протокол судебного заседания, из которого следует, что суд находился в совещательной комнате с 14 часов 30 минут 25 августа до 14 часов 26 августа 2022 г. В этот же период председательствующий по уголовному делу рассмотрел ряд гражданских дел и огласил по ним решения.

Изучив материалы уголовного дела, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор и последующие судебные решения в отношении З., дело направила на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Согласно положениям статей 295 и 310 УПК РФ, заслушав последнее слово подсудимого, суд удаляется в совещательную комнату для постановления приговора, подписав который суд возвращается в зал судебного заседания, где председательствующий оглашает вводную и резолютивную части приговора.

При этом приговор постановляется судом в совещательной комнате, а суд вправе сделать перерыв с выходом из совещательной комнаты лишь для отдыха по окончании рабочего времени и в течение рабочего дня (статья 298 УПК РФ).

⁴ Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 28 ноября 2024 г. приговор в отношении Г. в части процессуальных издержек изменен: сумма процессуальных издержек уменьшена.

Материалами уголовного дела подтверждается, что судья К., постановивший приговор по уголовному делу в отношении З., после удаления в совещательную комнату в 14 часов 30 минут 25 августа 2022 г. и объявления о том, что приговор будет провозглашен в 14 часов 26 августа 2022 г., в период, обозначенный в протоколе судебного заседания как время вынесения приговора, 25 августа 2022 г. рассмотрел пять гражданских дел с проведением по ним судебных заседаний и оглашением по ним резолютивной части решения.

Нарушение тайны совещания судей при постановлении приговора, равно как и нарушение порядка вынесения приговора, является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену судебного решения, поскольку несоблюдение процедуры судопроизводства могло повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения (часть 1 статьи 389¹⁷ УПК РФ).

Определение № 53-УДП24-31-К8

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

Споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений

35. При определении кадастровой стоимости земельных участков их целевое назначение подлежит обязательному учету.

Л. обратился в суд с административным иском о признании незаконным решения бюджетного учреждения «Центр кадастровой оценки и технической инвентаризации» (далее – бюджетное учреждение) об отказе в удовлетворении его заявления об исправлении ошибки, допущенной при определении кадастровой стоимости земельных участков, и о возложении на административного ответчика обязанности повторно рассмотреть заявление Л. и исправить ошибку при определении кадастровой стоимости земельных участков с учетом имеющихся сведений об отнесении данных земельных участков к сельскохозяйственным угодьям.

Решением суда первой инстанции административный иск Л. удовлетворен.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения определением суда кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, принято новое решение об отказе в удовлетворении административного иска.

Суды апелляционной и кассационной инстанций исходили из того, что определение кадастровой стоимости земельных участков осуществлялось в соответствии с Методическими указаниями о государственной кадастровой

оценке, утвержденными приказом Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 4 августа 2021 г. № П/0336 «Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке» (далее – Методические указания), с учетом всех ценообразующих факторов, с применением подходящей по виду использования объекта недвижимости модели оценки, а также сведений о расположении земельных участков согласно документу градостроительного зонирования в промышленной зоне.

Суды указали, что на дату проведения государственной кадастровой оценки данные земельные участки согласно правилам землепользования и застройки территорий муниципального образования относились к производственной зоне, исключающей отнесение земельных участков к сельскохозяйственным угодьям – пашням, сенокосам с возможностью вести работы по растениеводству и возделыванию сельскохозяйственных культур.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации определения судов апелляционной и кассационной инстанций отменила, решение суда первой инстанции оставила без изменения с учетом следующего.

Приказом Министерства имущественных и земельных отношений субъекта Российской Федерации утверждены результаты определения кадастровой стоимости принадлежащих Л. на праве собственности земельных участков, относящихся к землям сельскохозяйственного назначения, с видом разрешенного использования «для сельскохозяйственного производства».

При определении кадастровой стоимости земельных участков обязательному рассмотрению на предмет влияния на указанную стоимость подлежат сведения о местоположении земельного участка, нахождении объекта недвижимости в границах зоны с особыми условиями использования территории, а также иные ценообразующие факторы, предусмотренные Методическими указаниями (часть 3 статьи 14 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке»).

Вид угодий относится к таким ценообразующим факторам (пункт 7 приложения № 3 к Методическим указаниям «Примерный перечень ценообразующих факторов земельных участков и зданий, сооружений, объектов незавершенного строительства, помещений, машино-мест для целей определения кадастровой стоимости»).

Статья 79 ЗК РФ определяет особенности использования сельскохозяйственных угодий и в пункте 1 устанавливает, что сельскохозяйственные угодья – пашни, сенокосы, пастбища, залежи, земли, занятые многолетними насаждениями (садами, виноградниками и другими), – в составе земель сельскохозяйственного назначения имеют приоритет в использовании и подлежат особой охране.

Для земель сельскохозяйственных угодий в составе земель сельскохозяйственного назначения градостроительные регламенты не устанавливаются (часть 6 статьи 36 ГрК РФ).

Бюджетным учреждением не приняты во внимание приложенные Л. к заявлению об исправлении ошибки документы, содержащие сведения о характеристиках объекта недвижимости. В качестве таких документов к заявлению были приложены ответы территориального управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, согласно которым спорные земельные участки по проекту землеустройства (перераспределение земель) колхоза, выполненному землеустроительным проектно-изыскательским предприятием в 1993 году, являются сельскохозяйственными угодьями – пашнями.

В нарушение пунктов 57.2–57.4 Методических указаний при определении кадастровой стоимости бюджетным учреждением во внимание не принят вид угодий в качестве ценообразующего фактора.

По данному делу следовало учесть обстоятельства, которые имеют преюдициальное значение и установлены вступившими в законную силу судебными актами по двум другим административным делам по административным искам Л. к Правительству субъекта Российской Федерации о признании незаконными распоряжений об отказе в переводе земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения в земли промышленности (часть 2 статьи 64 КАС РФ). Указанными судебными актами установлено, что данные земельные участки являются сельскохозяйственными угодьями.

Кроме этого, постановлением правительства субъекта Российской Федерации от 7 июня 2023 г. в правила землепользования и застройки территорий муниципального образования от 24 декабря 2012 г. внесены изменения, в том числе производственная зона изменена на зону обеспечения сельскохозяйственной деятельности в границах принадлежащих административному истцу земельных участков.

Таким образом, кадастровая стоимость принадлежащих административному истцу земельных участков определена бюджетным учреждением без учета их целевого назначения.

Определение № 35-КАД25-6-К2

36. Непредставление иностранным гражданином в установленный законом срок необходимых медицинских документов является основанием для аннулирования выданного ему патента, подтверждающего право на временное осуществление на территории субъекта Российской Федерации трудовой деятельности.

Н. обратился в суд с административным иском к Управлению по вопросам миграции ГУ МВД России по субъекту Российской Федерации (далее – Управление, Управление по вопросам

миграции) о признании незаконным и об отмене решения об аннулировании патента, указав, что административным ответчиком нарушены его права на осуществление трудовой деятельности и уважение личной и семейной жизни, действия Управления создают условия для его принудительной высылки.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано. Суд исходил из того, что в нарушение требований Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Закон о правовом положении иностранных граждан) в установленный срок Н. не представил медицинские документы и сертификат об отсутствии вируса иммунодефицита человека (далее – сертификат), что является основанием для аннулирования ранее выданного патента. Суд указал, что оспариваемое решение Управления обеспечивает баланс публичных и частных интересов и является адекватной мерой государственного реагирования на допущенное административным истцом нарушение.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, принято новое решение, которым решение Управления об аннулировании патента признано незаконным. Суды исходили из того, что суд первой инстанции допустил формальный подход при рассмотрении дела и не учел фактические обстоятельства.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации определения судов апелляционной и кассационной инстанций отменила, решение суда первой инстанции оставила в силе по следующим основаниям.

Между Н., являющимся иностранным гражданином, и обществом заключен трудовой договор, по условиям которого административный истец принят на работу на основании выданного 28 марта 2023 г. Управлением по вопросам миграции патента, подтверждающего право на временное осуществление на территории субъекта Российской Федерации трудовой деятельности (абзац восемнадцатый пункта 1 статьи 2 Закона о правовом положении иностранных граждан).

Н. обратился в Управление по вопросам миграции с заявлением о переоформлении ранее выданного патента сроком действия с 28 марта 2023 г. по 28 марта 2024 г.

К указанному заявлению в том числе были приложены предусмотренные абзацем третьим пункта 18 статьи 5 Закона о правовом положении иностранных граждан медицинские документы и сертификат, полученные Н. по результатам первичного медицинского освидетельствования.

На основании представленных документов 28 марта 2024 г. Н. переоформлен патент.

Вместе с тем требования абзаца первого пункта 19 статьи 5 Закона о правовом положении иностранных граждан о прохождении повторного медицинского освидетельствования и представлении в установленный срок медицинских документов и сертификата с актуальными сведениями Н. не исполнены.

При этом административный истец не является высококвалифицированным специалистом, привлекаемым к трудовой деятельности в Российской Федерации в соответствии со статьей 13² Закона о правовом положении иностранных граждан, на которого правило абзаца первого пункта 19 статьи 5 этого закона не распространяется (абзац второй пункта 19 статьи 5 названного федерального закона).

Решением должностного лица Управления по вопросам миграции от 15 августа 2024 г. выданный Н. патент аннулирован в связи с непредставлением в установленный срок медицинских документов и сертификата.

В ходе рассмотрения административного дела судом первой инстанции Н. представил полученные по результатам повторного освидетельствования медицинские документы и сертификат.

Патент выдается иностранному гражданину на срок от одного до двенадцати месяцев и может быть переоформлен на основании заявления иностранного гражданина при представлении им в установленном порядке в числе прочих документов медицинских документов и сертификата (пункт 5, подпункты 1 и 6 пункта 9 статьи 13³ Закона о правовом положении иностранных граждан).

Непредставление иностранным гражданином в установленный срок медицинских документов и сертификата является основанием для аннулирования выданного патента (подпункт 2 пункта 22 статьи 13³, подпункт 10 пункта 9 статьи 18 Закона о правовом положении иностранных граждан).

Иностранный гражданин, на которого возложена обязанность соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации, допуская нарушение требований закона, несет риски наступления неблагоприятных для себя последствий, в том числе в виде принятия уполномоченным органом решения об аннулировании патента.

Суд первой инстанции учел, что решение об аннулировании патента принято административным ответчиком по прошествии нескольких месяцев со дня истечения срока представления требуемых законом документов. При этом судом первой инстанции по заявлению административного истца приняты меры предварительной защиты в виде приостановления действия указанного решения. Кроме того, судом первой инстанции также установлено, что семейных связей на территории Российской Федерации Н. не имеет, его супруга и дети постоянно проживают в иностранном государстве и являются гражданами этого государства.

При таких обстоятельствах вывод судов апелляционной и кассационной инстанций о допущенном судом первой инстанции

формальном подходе при рассмотрении данного дела является необоснованным.

Определение № 48-КАД25-12-К7

37. Наличие у иностранного гражданина семьи на территории Российской Федерации не является безусловным основанием для признания незаконным решения государственного органа о неразрешении въезда в Российскую Федерацию.

М. обратилась в суд с административным иском к территориальному управлению МВД России (далее – Управление) о признании незаконным и об отмене решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию, ссылаясь на то, что неразрешение въезда является серьезным вмешательством в сферу личной и семейной жизни, нарушает права детей М. на воспитание в семье.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, административное исковое заявление удовлетворено. На отдел по вопросам миграции Управления возложена обязанность исключить М. из списка лиц, въезд которым на территорию Российской Федерации запрещен.

Суды исходили из того, что решение Управления принято в нарушение правовых положений, связанных с запретом въезда на территорию Российской Федерации, не согласуется с принципами справедливости и соразмерности установленных ограничений совершенному административным истцом правонарушению в области миграционного законодательства, не учитывает наличие у М. малолетних детей, проживание которых с одним из родителей нарушит право другого родителя на участие в их воспитании.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации принятые по делу судебные акты отменила, направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи со следующим.

4 марта 2018 г. иностранная гражданка М. прибыла в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, имела право непрерывно находиться на ее территории до 1 июня 2018 г.

23 марта 2018 г. М. заключила брак с иностранным гражданином Г., который впоследствии приобрел гражданство Российской Федерации. У супругов родились дочь и сын.

5 сентября 2021 г. М. выехала из Российской Федерации.

Решением начальника Управления от 14 декабря 2021 г. на основании подпункта 14 части 1 статьи 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее – Закон о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию) М. не разрешен въезд в Российскую Федерацию сроком до 5 сентября 2031 г. в связи с тем, что она

в период своего предыдущего пребывания в Российской Федерации находилась на ее территории без законных оснований непрерывно свыше 270 суток со дня окончания предусмотренного федеральным законом срока временного пребывания в Российской Федерации и пребывала с нарушением режима 1191 день.

Въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину не разрешается в течение десяти лет со дня выезда из Российской Федерации, если он в период своего предыдущего пребывания в Российской Федерации не выехал из Российской Федерации и находился в Российской Федерации непрерывно свыше двухсот семидесяти суток со дня окончания предусмотренного федеральным законом срока временного пребывания в Российской Федерации (подпункт 14 части 1 статьи 27 Закона о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию).

Выводы судов основаны на неполно установленных имеющих значение для административного дела обстоятельствах.

Суды первой и апелляционной инстанций не выполнили надлежащим образом требования процессуального закона, предусмотренные пунктом 7 статьи 6, частью 2 статьи 14, частью 3 статьи 62 КАС РФ, посчитав достаточным для признания решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию незаконным наличие у М. супруга, приобретшего гражданство Российской Федерации, и несовершеннолетних детей.

Семья и семейная жизнь, отнесенные к ценностям, находящимся под защитой Конституции Российской Федерации и международных договоров Российской Федерации, не имеют безусловного во всех случаях преимущества перед другими конституционно значимыми ценностями, а наличие семьи не обеспечивает иностранным гражданам беспорного иммунитета от законных принудительных мер в сфере миграционной политики.

Установленное положениями подпункта 14 части 1 статьи 27 Закона о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию регулирование запрета иностранным гражданам на въезд в Российскую Федерацию имеет общий характер, а применение указанных положений требует баланса конституционно защищаемых ценностей, частных и публичных интересов в конкретном деле. При этом оценка того, отвечает ли долгосрочный запрет на въезд иностранного гражданина в Российскую Федерацию критериям соразмерности ограничения прав и свобод, баланса конституционно защищаемых ценностей, частных и публичных интересов, может потребовать изучения обстоятельств и причин нарушения иностранным гражданином срока пребывания в Российской Федерации, а равно установления иных обстоятельств, характеризующих указанное лицо, включая соблюдение им законодательства Российской Федерации; отсутствие или наличие фактов совершения им правонарушений, в том числе за пределами Российской Федерации; наличие у него постоянно проживающих в Российской Федерации членов семьи, других близких родственников, для контактов с которыми и для исполнения

обязанностей в отношении которых ему необходимо находиться на ее территории; наличие у него социальных и иных связей с Российской Федерацией, жилого помещения для проживания на ее территории; род его занятий в Российской Федерации и обладание законным источником дохода; обращение о приеме в российское гражданство.

Цели соблюдения миграционных правил во всяком случае не могут рассматриваться как превалирующие, если применение запрета с очевидностью лишит иностранного гражданина возможности реализовать свои родительские права в отношении несовершеннолетних детей или заботиться о членах своей семьи и о других близких родственниках, нуждающихся в заботе и реально ее от него получавших, при невозможности либо затруднительности воссоединения семьи на территории другого государства.

Перечисленные выше обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения административного дела, в полном объеме судами не установлены.

Суды не приняли во внимание, что административный ответчик в судебном заседании пояснял, что в период пребывания на территории Российской Федерации М. и ее супруг проживали в разных регионах, семейные отношения не поддерживали, общее хозяйство не вели.

Судами не проверен факт исполнения супругом М. обязанности по содержанию ее и детей за счет законного заработка, а также имелось ли у М. жилое помещение для проживания на территории Российской Федерации и за ее пределами, обладала ли она легальным источником дохода, позволявшим ей материально обеспечивать себя и детей в период ее незаконного пребывания на территории Российской Федерации.

В целях обеспечения всесторонности судебного разбирательства надлежало проверить, имеются ли у М. родственники на территории иностранного государства, установить, в чем выражается невозможность или затруднительность воссоединения семьи на территории данного государства, притом что с 2021 года административный истец с одним из детей проживает на его территории.

Определение № 4-КАД25-15-К1

38. Совершение иностранным гражданином преступления на территории Российской Федерации влечет правовые последствия в виде признания нежелательным пребывания (проживания) в Российской Федерации, депортации и неразрешения въезда такому гражданину в Российскую Федерацию.

П. обратилась с административным иском в суд к ФСИН России, УФСИН России по субъекту Российской Федерации, ГУ МВД России по субъекту Российской Федерации и их должностным лицам о признании незаконными распоряжения ФСИН России от 17 августа 2023 г.

о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации, решения УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 17 августа 2023 г. о неразрешении въезда в Российскую Федерацию, решения ГУ МВД России по субъекту Российской Федерации от 21 сентября 2023 г. о депортации, ссылаясь на то, что указанные распоряжение и решения приняты без учета сведений о длительности ее проживания на территории Российской Федерации, о намерении вступить в брак с гражданином Российской Федерации, об отсутствии в настоящее время дипломатических отношений между Россией и иностранным государством.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного иска отказано. Суды исходили из того, что оспариваемые распоряжение и решения приняты в соответствии с требованиями законодательства и с учетом баланса частных и публичных интересов, степени общественной опасности совершенных П. преступных деяний, являются оправданными, справедливыми и соразмерными.

Суды первой и апелляционной инстанций также указали на то, что П., пребывая на территории Российской Федерации, лояльности к правопорядку Российской Федерации не проявляла, законы Российской Федерации не соблюдала. Она умышленно совершила на территории Российской Федерации преступления против здоровья населения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. Совершение преступления порождает особые правовые отношения между государством и виновным лицом, служащие основанием для введения в отношении последнего дополнительных правовых обременений как для лица, которое обладает повышенной опасностью для общества.

Суд кассационной инстанции решение суда первой инстанции и определение суда апелляционной инстанции отменил, принял по делу новое решение, которым оспариваемые распоряжение и решения признал незаконными. Суд кассационной инстанции указал, что П. состоит в браке с гражданином Российской Федерации Д. и не имеет возможности покинуть территорию Российской Федерации с учетом социально-политической ситуации в стране гражданской принадлежности.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации определение суда кассационной инстанции отменила, решение суда первой инстанции и определение суда апелляционной инстанции оставила в силе.

Судебная коллегия руководствовалась следующим.

Иностранная гражданка П., 1990 года рождения, въехала на территорию Российской Федерации в 2012 году. В 2020 году она осуждена за совершение умышленных преступлений, предусмотренных статьями 228¹ и 231 УК РФ, ей назначено наказание в виде 6 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Постановлением суда от 2 августа 2023 г. неотбытая П. часть наказания по приговору в виде лишения свободы заменена на принудительные работы

на тот же срок с отбыванием в местах, определяемых органами уголовно-исполнительной системы, с удержанием в доход государства 10 % заработной платы ежемесячно.

Распоряжением ФСИН России от 17 августа 2023 г. пребывание (проживание) П. в Российской Федерации признано нежелательным сроком на 10 лет после отбытия наказания до момента погашения судимости в соответствии с частью 3 статьи 86 УК РФ. В этом же распоряжении указано на ее обязанность после отбытия наказания выехать из Российской Федерации в порядке, предусмотренном статьей 31 Закона о правовом положении иностранных граждан.

Решением УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 17 августа 2023 г. на основании положений части 3 статьи 25¹⁰, подпункта 3 части 1 статьи 27 Закона о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию П. запрещен въезд на территорию Российской Федерации сроком на 10 лет после отбытия наказания до момента погашения судимости.

С учетом указанного распоряжения ФСИН России на основании положений пункта 11 статьи 31 Закона о правовом положении иностранных граждан 21 сентября 2023 г. ГУ МВД России по субъекту Российской Федерации в отношении П. принято решение о депортации за пределы Российской Федерации.

Решением ГУ МВД России по субъекту Российской Федерации от 27 апреля 2024 г. П. отказано в предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации.

Постановлением суда от 20 сентября 2024 г. П. условно-досрочно освобождена от отбывания наказания.

Брак между П. и Д. заключен после принятия оспариваемых распоряжения и решений. Данное обстоятельство объективно не могло быть учтено ни уполномоченными органами, ни судом первой инстанции, в связи с чем не имеет правового значения для правильного разрешения спора.

Более того, наличие семьи (регистрация брака) не создает П. бесспорного иммунитета от законных принудительных мер в сфере миграционной политики.

Между тем суд кассационной инстанции создание семьи счел, по сути, единственным обстоятельством, свидетельствующим о незаконности оспариваемых распоряжения и решений.

Непогашенная или неснятая судимость предполагает возможность применения в отношении лица закрепленных федеральным законом определенных дополнительных обременений, сохраняющихся в течение разумного срока после отбытия уголовного наказания, которые обусловлены в том числе общественной опасностью таких лиц, адекватны ей и связаны с обязанностью нести ответственность за виновное поведение.

Согласно сведениям ФМС России, данным из анкеты лица, ходатайствующего о признании беженцем, П. въезжала на территорию Российской Федерации в том числе с целью работы. Однако доказательств

официального трудоустройства, уплаты налогов в материалах дела не имеется. На момент задержания в 2019 году П. официально трудоустроена не была.

Родственников, имеющих гражданство Российской Федерации и проживающих на ее территории, у П. не имеется.

Таким образом, установив обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения административного дела, суды первой и апелляционной инстанций пришли к правомерному выводу о том, что оспариваемые распоряжение и решения являются адекватной мерой реагирования государства на противоправное поведение иностранного гражданина и не противоречат действующему законодательству.

Определение № 46-КАД25-16-К6

39. Орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации должен обеспечить транспортную доступность для населения путем установления маршрутов регулярных перевозок по регулируемым тарифам.

Прокурор города обратился в суд с административным иском с заявлением о признании незаконным бездействия министерства субъекта Российской Федерации, о возложении обязанности на административного ответчика организовать транспортное обслуживание населения по маршруту регулярных перевозок по регулируемому тарифу без пересадки пассажиров в пути следования с одного маршрута на другой от поселка до города. Приведенные обстоятельства, по мнению прокурора, нарушают права, свободы и законные интересы неопределенного круга лиц.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Суд пришел к выводу о том, что транспортная доступность города для населения поселка посредством круглогодичного транспортного сообщения обеспечивается административным ответчиком в пределах его полномочий, и не усмотрел признаков незаконного бездействия, поскольку административным ответчиком осуществлялись действия, направленные на восстановление межмуниципального маршрута регулярных перевозок № 617 по нерегулируемому тарифу посредством проведения открытых конкурсов на право получения свидетельства об осуществлении перевозок.

Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил в части отказа в удовлетворении административных исковых требований прокурора организовать транспортное обслуживание населения муниципального образования по межмуниципальному маршруту регулярных перевозок по регулируемому тарифу. На административного ответчика возложена обязанность обеспечить круглогодичное транспортное сообщение между поселком и городом путем осуществления регулярных перевозок

пассажиров и багажа по регулируемому тарифу. Решение суда первой инстанции в части отказа в организации транспортного сообщения без пересадки пассажиров в пути следования по указанному маршруту оставлено без изменения.

Суд апелляционной инстанции исходил из того, что административным ответчиком не обеспечено транспортное обслуживание населенного пункта посредством заключения государственного (муниципального) контракта по регулируемым тарифам.

Суд кассационной инстанции апелляционное определение отменил в части, в которой административные иски удовлетворены, в отмененной части оставлено в силе решение суда первой инстанции.

Суд кассационной инстанции поддержал позицию суда апелляционной инстанции о том, что транспортное обслуживание населения муниципального образования организовано, обеспечены регулярные перевозки по нерегулируемому тарифу по маршруту с пересадками (транзитное сообщение). При этом суд кассационной инстанции счел, что определение вида регулярных перевозок относится к компетенции административного ответчика.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации определение суда кассационной инстанции отменила по следующим основаниям.

В субъекте Российской Федерации отсутствуют межмуниципальные маршруты регулярных перевозок по регулируемым тарифам между муниципальным образованием и городами – крупнейшими населенными пунктами субъекта Российской Федерации.

Вместе с тем по единственному действующему межмуниципальному маршруту регулярных перевозок № 193 по нерегулируемому тарифу допускается нарушение расписания движения автобусов с отклонением до 60 минут.

Министерство субъекта Российской Федерации является ответственным исполнителем государственной программы субъекта Российской Федерации, разработанной в соответствии с Транспортной стратегией Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р, направленной на достижение доступности административных центров области с областным центром – 100 процентов к 2030 году, удовлетворенности населения качеством и доступностью транспортных услуг – 77 процентов к 2030 году.

Из положений статей 14 и 17 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» во взаимосвязи с вышеприведенным правовым регулированием следует презумпция наличия обязанности исполнительного органа государственной власти субъектов

Российской Федерации в целях обеспечения доступности транспортных услуг для населения устанавливать муниципальные маршруты регулярных перевозок, межмуниципальные маршруты регулярных перевозок, смежные межрегиональные маршруты регулярных перевозок для осуществления регулярных перевозок. При этом наряду с маршрутами регулярных перевозок по регулируемым тарифам уполномоченные исполнительные органы субъектов Российской Федерации вправе устанавливать смежные межрегиональные маршруты регулярных перевозок, межмуниципальные маршруты регулярных перевозок, муниципальные маршруты регулярных перевозок для осуществления регулярных перевозок по нерегулируемым тарифам.

Несмотря на обращения населения муниципального образования в министерство субъекта Российской Федерации с предложениями об установлении, изменении существующих маршрутов, последним не предпринято действий, направленных на оптимизацию существующих межмуниципальных маршрутов с учетом социальных и экономических факторов.

Министерство субъекта Российской Федерации избрало формальный подход к организации транспортного сообщения между названными выше населенными пунктами, ограничившись проведением конкурса в отношении маршрута регулярных перевозок № 617 и констатацией отсутствия заявок перевозчиков об осуществлении перевозок по нерегулируемому тарифу, но прямому маршруту между поселком и городом.

Вместе с тем документом планирования регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом по межмуниципальным маршрутам в области на 2023–2027 гг. допускалось изменение видов регулярных перевозок.

Однако административным ответчиком действия, направленные на изменение вида регулярных перевозок, в том числе путем включения поселка в график заключения государственных контрактов на выполнение работ, связанных с осуществлением регулярных перевозок по регулируемым тарифам по межмуниципальным маршрутам в области на 2023–2027 гг., не осуществлены.

На основании изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила в силе определение суда апелляционной инстанции.

Определение № 66-КАДПР25-7-К8

40. Личное обращение призывника в призывную комиссию при решении вопроса о предоставлении ему отсрочки от призыва на военную службу в связи с обучением является обязательным.

М. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконным решения призывной комиссии от 20 декабря 2022 г.

о предоставлении отсрочки от призыва на военную службу на время обучения до 31 августа 2027 г., ссылаясь на то, что с заявлением о предоставлении отсрочки на время обучения в государственном медицинском университете не обращался, оспариваемое решение вынесено административным ответчиком в его отсутствие без проверки достоверности сведений о его обучении в указанном университете, что впоследствии привело к нарушению права М. на отсрочку от призыва на военную службу на время обучения в ином учебном заведении.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, М. отказано в удовлетворении административных исковых требований.

Суды исходили из того, что решение призывной комиссии о предоставлении М. отсрочки от призыва принято на основании поступившей из государственного медицинского университета справки об обучении его в данном университете, административным ответчиком соблюдены требования законодательства.

Кроме того, в силу статьи 28 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Закон о воинской обязанности и военной службе) предоставление отсрочки от призыва на военную службу ввиду обучения призывника по очной форме обучения является не правом, а обязанностью призывной комиссии и не носит заявительного характера. М. свою обязанность сообщить в военный комиссариат об отчислении из образовательной организации не исполнил, следовательно, отсрочка от призыва ему предоставлена обоснованно на основании сведений, которыми располагала призывная комиссия, нарушений при принятии оспариваемого решения не допущено.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации принятые по делу судебные акты отменила, приняла новое решение по следующим основаниям.

29 января 2021 г. М. поставлен на воинский учет в военном комиссариате.

Согласно справке государственного медицинского университета от 1 сентября 2022 г. М. зачислен на первый курс очного отделения стоматологического факультета.

14 октября 2022 г. в военный комиссариат из государственного медицинского университета поступили сведения о зачислении М. в данное учебное заведение.

17 октября 2022 г. М. по собственному желанию отчислен из указанного университета.

20 декабря 2022 г. принято решение призывной комиссии о предоставлении М. отсрочки от призыва на военную службу на время обучения в государственном медицинском университете на время обучения до 31 августа 2027 г. в соответствии с подпунктом «а» пункта 2 статьи 24 Закона о воинской обязанности и военной службе.

С 1 сентября 2023 г. М. обучается по очной форме обучения в государственном аграрном университете.

15 сентября 2023 г. М. поставлен на воинский учет в военном комиссариате.

19 января 2024 г. М. обратился с заявлением о предоставлении отсрочки от призыва на военную службу в связи с прохождением обучения по очной форме в государственном аграрном университете.

24 января 2024 г. военным комиссаром дан ответ об отсутствии оснований для предоставления М. отсрочки от призыва на военную службу, поскольку он в 2022 году уже реализовал данное право и утратил его в связи с отчислением из государственного медицинского университета по собственному желанию.

Право на отсрочку от призыва на военную службу имеют граждане, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения по программам бакалавриата, если указанные обучающиеся не имеют диплома бакалавра, диплома специалиста или диплома магистра, в период освоения названных образовательных программ, но не свыше установленных федеральными государственными образовательными стандартами, образовательными стандартами сроков получения высшего образования по программам бакалавриата (подпункт «а» пункта 2 статьи 24 Закона о воинской обязанности и военной службе).

При этом в отношении лиц, обучающихся по программам высшего образования, не относящимся к подготовке кадров высшей квалификации, законодатель в абзацах седьмом – девятом подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Закона о воинской обязанности и военной службе определил специальные условия предоставления отсрочки от призыва для обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры соответственно, установив в абзаце десятом правило о предоставлении предусмотренной этим подпунктом отсрочки от призыва на военную службу только один раз, но с рядом исключений.

Призыв на военную службу осуществляет призывная комиссия, оповещение призывников о явке на заседание призывной комиссии осуществляется повестками военного комиссариата муниципального образования (муниципальных образований), вручение повесток призывникам производится под расписку, не позднее чем за 3 дня до срока, указанного в повестке (пункт 4 статьи 26 Закона о воинской обязанности и военной службе, пункты 3, 6 и 7 Положения о призыве на военную службу граждан Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 г. № 663 (далее – Положение о призыве на военную службу)).

При наличии оснований, предусмотренных Законом о воинской обязанности и военной службе и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, призывная комиссия выносит решение об освобождении призывника от призыва на военную службу или о предоставлении ему отсрочки от призыва на военную службу. Такое

решение выносится на основании документов, представленных призывником в призывную комиссию, один раз при первоначальном рассмотрении данного вопроса (пункт 17 Положения о призыве на военную службу в редакции, действовавшей на момент возникновения правоотношений).

Из анализа приведенных норм следует, что для получения отсрочки от призыва на военную службу в связи с обучением в образовательной организации требуется активное волеизъявление призывника, выраженное в подаче соответствующего заявления в военкомат с представлением документов, подтверждающих его право на отсрочку, в частности справки из образовательной организации установленной формы. Впоследствии гражданин ежегодно, в сентябре – октябре, обязан представлять в военный комиссариат, в котором он состоит на воинском учете, справку с места учебы (пункт 17⁴ Положения о призыве на военную службу). Указанный вопрос подлежит рассмотрению на заседании призывной комиссии, о явке на которое призывник оповещается заблаговременно.

На момент принятия решения призывной комиссией М. студентом государственного медицинского университета не являлся, с заявлением о предоставлении ему отсрочки от призыва на военную службу в военный комиссариат не обращался, о заседании призывной комиссии, которое было назначено на 20 декабря 2022 г., извещен не был и участие в нем не принимал, решение призывной комиссии о предоставлении ему отсрочки от призыва на время обучения сроком до 31 августа 2027 г. не получал.

Следовательно, у призывной комиссии отсутствовали правовые основания для предоставления М. отсрочки от призыва на военную службу как обучающемуся в государственном медицинском университете.

На основании изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации принятые по делу судебные акты отменила, приняла по административному делу новое решение, которым административный иск М. удовлетворила, признав незаконным решение призывной комиссии от 20 декабря 2022 г., и возложила на призывную комиссию обязанность повторно рассмотреть вопрос о предоставлении М. отсрочки от призыва на военную службу на время обучения в государственном аграрном университете.

Определение № 18-КАД25-46-К4

Применение законодательства об административных правонарушениях

41. Оставление места дорожно-транспортного происшествия, выразившегося в повреждении припаркованного транспортного средства движущимся автомобилем, влечет административную ответственность водителя по части 2 статьи 12.27 КоАП РФ.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения

решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, М. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 12.27 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В соответствии с частью 2 статьи 12.27 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения М. к административной ответственности) оставление водителем в нарушение Правил дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся, при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния влечет назначение административного наказания.

Положения пункта 1.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (далее – Правила дорожного движения, Правила), и статьи 2 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» определяют дорожно-транспортное происшествие как событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб.

Пунктом 2.5 Правил дорожного движения предусмотрено, что при дорожно-транспортном происшествии водитель, причастный к нему, обязан немедленно остановить (не трогать с места) транспортное средство, включить аварийную сигнализацию и выставить знак аварийной остановки в соответствии с требованиями пункта 7.2 Правил, не перемещать предметы, имеющие отношение к происшествию.

В ходе производства по делу установлено, что М., управляя транспортным средством, при движении задним ходом допустил повреждение припаркованного транспортного средства, принадлежащего другому лицу, после чего в нарушение требований Правил дорожного движения оставил место дорожно-транспортного происшествия, участником которого являлся.

Из материалов дела и письменных объяснений М. следовало, что дорожно-транспортное происшествие с участием транспортных средств, получивших механические повреждения, было для него очевидным. Видеозаписью зафиксировано движение транспортного средства под управлением М. с последующим повреждением открывшейся водительской дверью припаркованного транспортного средства.

Произошедшее событие отвечало признакам дорожно-транспортного происшествия, которые определены положениями пункта 1.2 Правил дорожного движения и статьи 2 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».

Следовательно, оставив место дорожно-транспортного происшествия, М. совершил административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена частью 2 статьи 12.27 КоАП РФ.

При таких обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся судебных актов не установлено.

Постановление № 29-АД25-6-К1

42. Остановка транспортного средства с включенным желтым (оранжевым) маячком в зоне действия дорожного знака 3.27 «Остановка запрещена» допустима только с целью выполнения работ по строительству, ремонту или содержанию дорог, по погрузке поврежденных, неисправных и перемещаемых транспортных средств и при условии обеспечения безопасности дорожного движения.

Постановлением должностного лица административного органа, оставленным без изменения решением судьи районного суда, решением судьи городского суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, государственное бюджетное учреждение (далее – ГБУ, Учреждение) признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 12.16 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию.

Частью 4 статьи 12.16 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения ГБУ к административной ответственности) установлена административная ответственность за несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги, запрещающими остановку или стоянку транспортных средств, за исключением случая, предусмотренного частью 5 данной статьи.

В соответствии с частью 5 статьи 12.16 КоАП РФ нарушение, предусмотренное частью 4 этой статьи, совершенное в городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге, влечет наложение административного штрафа.

Должностным лицом административного органа вынесено постановление, согласно которому водитель транспортного средства произвел остановку транспортного средства в нарушение требования, предписанного дорожным знаком 3.27 «Остановка запрещена» приложения № 1 к Правилам дорожного движения.

Факт совершения административного правонарушения зафиксирован с применением технического средства, работающего в автоматическом режиме, имеющего функции фото- и киносъемки, видеозаписи, в связи с чем в порядке части 1 статьи 2.6¹ КоАП РФ к административной ответственности, предусмотренной частью 5 статьи 12.16 КоАП РФ, привлечен собственник транспортного средства – ГБУ.

Доводы, изложенные в жалобе защитника ГБУ, о том, что транспортное средство использовалось Учреждением для перевозки дорожных рабочих в целях выполнения работ по санитарному содержанию

объектов дорожного хозяйства административного округа, в числе которых была остановка общественного транспорта по адресу выявленного правонарушения, при этом в соответствии с пунктами 3.4, 3.5 Правил дорожного движения на транспортном средстве был включен проблесковый маячок, правомерно отклонены судьями нижестоящих судов при проверке законности привлечения Учреждения к административной ответственности.

В соответствии с пунктом 3.4 Правил проблесковый маячок желтого или оранжевого цвета должен быть включен на транспортных средствах в случаях выполнения работ по строительству, ремонту или содержанию дорог.

Исходя из смысла пункта 3.5 Правил водители транспортных средств с включенным проблесковым маячком желтого или оранжевого цвета при выполнении работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, ремонту или содержанию дорог, погрузке поврежденных, неисправных и перемещаемых транспортных средств могут отступать от требований дорожных знаков (кроме знаков 2.2, 2.4–2.6, 3.11–3.14, 3.17.2, 3.20) и дорожной разметки, а также пунктов 9.4–9.8 и 16.1 Правил, но при условии обеспечения безопасности дорожного движения.

Однако из материалов дела не следовало, что водитель транспортного средства, осуществив остановку транспортного средства, выполнил требование пункта 3.5 Правил в части обеспечения безопасности дорожного движения.

Требуемые соответствующими техническими регламентами и другими нормативными документами, относящимися к обеспечению безопасности дорожного движения, дорожные знаки «Дорожные работы», «Объезд препятствия слева» либо временные дорожные конусы или щиты в месте остановки отсутствовали. Кроме того, салон транспортного средства был пуст, никаких работ на остановке не производилось.

С учетом изложенного оснований для отмены или изменения состоявшихся по делу актов не установлено.

Постановление № 5-АД25-115-К2

43. Признание статьи (части статьи) КоАП РФ, на основании которой лицо было привлечено к административной ответственности, утратившей силу не влечет прекращение производства по делу об административном правонарушении в случае, если ответственность за данное правонарушение одновременно предусматривается в иной норме названного кодекса и при этом не улучшается положение лица, совершившего административное правонарушение.

Постановлением должностного лица административного органа Общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 12.21¹ КоАП РФ,

и подвергнуто административному штрафу.

Решением судьи районного суда, оставленным без изменения постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, указанное постановление должностного лица изменено, размер административного штрафа снижен. В остальной части названный акт оставлен без изменения.

В соответствии с частью 3 статьи 12.21¹ КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Общества к административной ответственности) движение тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства с превышением допустимых габаритов транспортного средства на величину более 20, но не более 50 сантиметров либо с превышением допустимой массы транспортного средства или допустимой нагрузки на ось транспортного средства на величину более 20, но не более 50 процентов без специального разрешения, за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 12.21⁵ КоАП РФ, влечет наложение административного штрафа.

В ходе производства по делу установлено, что водитель тяжеловесного транспортного средства, собственником которого являлось Общество, осуществлял движение с превышением предельно допустимой нагрузки на группу осей № 1 (оси 3–5) транспортного средства на 47,85 % без специального разрешения.

Факт совершения административного правонарушения зафиксирован с применением работающего в автоматическом режиме технического средства фиксации административных правонарушений, в связи с чем в порядке части 1 статьи 2.6¹ КоАП РФ к административной ответственности, предусмотренной частью 3 статьи 12.21¹ указанного кодекса, привлечен собственник транспортного средства – Общество.

Федеральным законом от 7 июля 2025 г. № 209-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» части 2 и 3 статьи 12.21¹ КоАП РФ признаны утратившими силу.

При этом указанным федеральным законом абзац первый части 5 статьи 12.21¹ КоАП РФ изложен в новой редакции, включающей в себя состав административного правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 12.21¹ КоАП РФ в ранее действовавшей редакции.

Следовательно, ответственность за движение тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства с превышением допустимых габаритов транспортного средства на величину более 20, но не более 50 сантиметров либо с превышением допустимой массы транспортного средства или допустимой нагрузки на ось транспортного средства на величину более 20, но не более 50 процентов без специального разрешения не устранена.

Действующая редакция части 5 статьи 12.21¹ КоАП РФ предусматривает административную ответственность за совершение указанного административного правонарушения в виде административного

штрафа в большем размере, что не смягчает административную ответственность Общества и не улучшает его положения.

В связи с этим состоявшиеся по делу акты не могли быть отменены по основанию, предусмотренному пунктом 5 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ (признание утратившими силу закона или его положения, устанавливающих административную ответственность за содеянное, за исключением случая одновременного вступления в силу положений закона, отменяющих административную ответственность за содеянное и устанавливающих за то же деяние уголовную ответственность).

Иных оснований для их отмены или изменения также не установлено.

Постановление № 47-АД25-17-К6

44. Юридическое лицо в силу положений КоАП РФ не обладает правом обжалования постановления, решения по делу об административном правонарушении, вынесенного в отношении его должностного лица или работника, являющихся самостоятельными субъектами административного правонарушения.

Постановлением административной комиссии муниципального образования, оставленным без изменения решением судьи городского суда и решением судьи областного суда, генеральный директор Общества – К. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного нормой закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, и подвергнут административному наказанию.

Определением судьи областного суда производство по жалобе Общества на решение судьи городского суда прекращено по причине подачи жалобы неуполномоченным на то лицом.

Постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции определение судьи областного суда о прекращении производства по жалобе Общества оставлено без изменения.

В соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 30.1, статьей 30.9 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное коллегиальным органом, может быть обжаловано лицами, указанными в статьях 25.1–25.5¹ КоАП РФ, в районный суд по месту нахождения коллегиального органа, а затем в вышестоящий суд.

К числу лиц, наделенных правом обжалования постановлений, КоАП РФ относит физическое лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, его законного представителя или защитника.

Прекращая производство по жалобе Общества, судья областного суда, с которым согласился судья кассационного суда общей юрисдикции, пришел к выводу о том, что юридическое лицо, в котором работает привлекаемое к административной ответственности должностное лицо, самостоятельным

правом обжалования постановления по делу об административном правонарушении в отношении физического лица (своего работника) не обладает.

Судья Верховного Суда Российской Федерации не усмотрел оснований для несогласия с этими выводами.

Постановление № 2-АД25-10-К3

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

45. Невыполнение судом кассационной инстанции требований закона об обеспечении участия адвоката в судебном заседании повлекло нарушение права осужденного на защиту.

По приговору Абаканского гарнизонного военного суда от 17 сентября 2024 г., оставленному без изменения апелляционным определением 2-го Восточного окружного военного суда от 26 ноября 2024 г. и кассационным определением кассационного военного суда от 2 июня 2025 г., К. осужден по совокупности двух преступлений, предусмотренных частью 5 статьи 337 УК РФ, к окончательному наказанию в виде лишения свободы на срок 8 лет.

Рассмотрев дело в кассационном порядке, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации кассационное определение кассационного военного суда отменила и передала уголовное дело на новое рассмотрение в кассационный военный суд, указав в обоснование следующее.

Из материалов уголовного дела усматривается, что на приговор и апелляционное определение осужденным и его защитником П., допущенным к участию в деле наряду с адвокатом, были поданы кассационные жалобы, при этом К. выразил желание участвовать в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи и воспользоваться помощью защитника П.

Адвокат Ш., осуществлявшая защиту К. в судах первой и апелляционной инстанций в порядке статьи 51 УПК РФ, извещенная о дате, времени и месте рассмотрения уголовного дела по указанным кассационным жалобам, участия в проведении судебного заседания суда кассационной инстанции не приняла.

Согласно протоколу судебного заседания рассмотрение дела в кассационном военном суде проходило с участием прокурора, осужденного К. и его защитника П., при этом судом не выяснялось мнение К. о возможности рассмотрения дела в отсутствие профессионального защитника, как и не разрешался вопрос о необходимости обеспечения его таким защитником.

Данных о том, что К. письменно отказался от услуг адвоката,

в материалах дела не имеется.

Вместе с тем закон связывает реализацию права на получение квалифицированной юридической помощи именно с помощью адвоката.

Согласно пункту 8 части 4 статьи 47 УК РФ обвиняемый, подсудимый, осужденный имеют право пользоваться помощью защитника. В соответствии с частями 1, 2 статьи 50 УПК РФ указанные лица вправе пригласить защитника либо по их просьбе участие защитника обеспечивается судом, следователем, дознавателем.

В силу пункта 1 части 1 статьи 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, в частности, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном статьей 52 данного кодекса.

Исходя из положений части 2 статьи 50, пункта 1 части 1 и части 3 статьи 51 и статьи 52 УПК РФ в их взаимосвязи суд принимает меры по назначению защитника во всех случаях, когда обвиняемый в судебном разбирательстве не воспользовался своим правом на приглашение защитника и при этом не заявил в установленном порядке об отказе от защитника либо такой отказ не был принят судом.

Согласно части 2 статьи 49 УПК РФ в качестве защитников участвуют адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый.

Из указанной нормы закона следует, что защитник из числа родственников или иных лиц допускается к участию в деле по ходатайству обвиняемого не вместо, а только наряду с адвокатом, поэтому само по себе участие П. в судебном заседании кассационного военного суда в качестве защитника, допущенного к участию в деле, не свидетельствует о соблюдении права осужденного на надлежащую защиту.

Таким образом, кассационным военным судом нарушено право осужденного на защиту.

Определение № 226-УД25-11-К10

46. Условием предоставления военнослужащему дополнительных выходных дней для ухода за детьми-инвалидами является трудоустройство обоих родителей.

Решением Спасск-Дальнего гарнизонного военного суда от 4 марта 2024 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 5 июня 2024 г., Б. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он в том числе просил признать незаконными действия начальника Службы в г. Дальнереченске Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю (далее – Служба), связанные с отказом в предоставлении дополнительных выходных дней для ухода за детьми-инвалидами.

Кассационным определением кассационного военного суда от 12 сентября 2024 г. судебные акты судов первой и апелляционной инстанций отменены, по делу принято новое решение о частичном удовлетворении заявленных требований.

Действия начальника Службы, связанные с отказом в предоставлении дополнительных выходных дней, признаны незаконными, и на данное воинское должностное лицо возложена обязанность повторно рассмотреть указанный вопрос.

В удовлетворении остальных требований административному истцу отказано.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное определение кассационного военного суда и оставила в силе судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, указав в обоснование следующее.

По делу установлено, что Б. является военнослужащим, проходит военную службу по контракту с 17 июня 2011 г.

Административный истец состоит в браке с Б.Т. Они имеют двух сыновей: Д., 2014 года рождения, который является ребенком-инвалидом (инвалидность установлена 29 июня 2022 г. на срок до 1 июля 2027 г.), и И., 2017 года рождения, также являющегося ребенком-инвалидом (инвалидность установлена 1 июля 2022 г. на срок до 1 июля 2027 г.).

Заключением психолого-медико-педагогической комиссии Дальнереченского городского округа от 25 февраля 2022 г. № 95 Д. рекомендована индивидуальная форма обучения на дому.

Заключением психолого-медико-педагогической комиссии Дальнереченского городского округа от 25 февраля 2022 г. № 94 И. рекомендовано посещение дошкольного учреждения кратковременное, на неполный день.

В связи с данными рекомендациями супруга Б. не работает, на период с 1 июля 2022 г. по 30 июня 2027 г. принята на учет в отделении Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Приморскому краю как лицо, осуществляющее уход за нетрудоспособными гражданами.

8 ноября и 22 декабря 2023 г. Б. обращался к начальнику Службы с ходатайствами о предоставлении ему четырех дополнительных оплачиваемых выходных дней в месяц для ухода за детьми-инвалидами.

20 ноября 2023 г. и 18 января 2024 г. начальником Службы отказано Б. в предоставлении дополнительных выходных дней.

Признавая оспариваемые действия начальника Службы законными и отказывая в удовлетворении административного искового заявления, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что в силу положений действующего законодательства обязательным основанием для предоставления военнослужащему дополнительных выходных дней является трудоустройство обоих родителей ребенка-инвалида. Поскольку

супруга Б. является неработающим трудоспособным лицом, осуществляющим на постоянной основе уход за своими детьми-инвалидами, то оснований для предоставления административному истцу дополнительных выходных дней не имеется.

Отменяя судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, кассационный военный суд исходил из того, что право родителя-военнослужащего на дополнительные выходные дни не ставится в зависимость от трудоустройства другого родителя и подлежит реализации на общих основаниях после предоставления документа, подтверждающего отсутствие трудовых отношений одного из родителей.

Кроме того, суд кассационной инстанции указал, что данные отношения аналогично регулируются статьей 262 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ).

Однако данные выводы суда кассационной инстанции являются ошибочными.

Согласно пункту 2 статьи 3 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» правовая защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства и предусматривает закрепление в законах и иных нормативных правовых актах прав, социальных гарантий и компенсаций указанных лиц и иных мер их социальной защиты, а также правовой механизм их реализации.

Социальная гарантия военнослужащим в виде предоставления дополнительных дней для ухода за детьми-инвалидами закреплена в п. 32 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (далее – Положение).

Согласно пункту 2 статьи 32 Положения в случае, когда один из работающих родителей (опекун, попечитель) является военнослужащим или когда оба родителя (опекуны, попечители) являются военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, для ухода за детьми-инвалидами таким родителям (опекунам, попечителям) предоставляются четыре дополнительных выходных дня в месяц.

Данное правовое регулирование направлено на защиту интересов военнослужащих, совмещающих исполнение семейных обязанностей с реализацией права на труд и нуждающихся в особой государственной поддержке при воспитании детей-инвалидов. При этом необходимым условием предоставления указанной социальной гарантии военнослужащим является трудоустройство обоих родителей, что согласуется с разъяснениями, данными в пункте 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» (в редакции от 28 октября 2025 г.).

Супруга административного истца не работает и состоит на учете в отделении Фонда пенсионного и социального страхования Российской

Федерации по Приморскому краю как лицо, осуществляющее уход за нетрудоспособными гражданами, что послужило основанием для отказа Б. в предоставлении дополнительных выходных дней.

В соответствии со ст. 11 ТК РФ трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права, не распространяются на военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы.

Изложенное свидетельствует о необоснованности ссылок кассационного военного суда на положения трудового законодательства, регулирующие сходные правоотношения.

Таким образом, вывод кассационного военного суда о незаконности действий начальника Службы, связанных с отказом в предоставлении Б. дополнительных выходных дней для ухода за детьми-инвалидами, является ошибочным, основанным на неправильном применении норм материального права, что послужило основанием для отмены кассационного определения.

Определение № 228-КАД25-4-К10

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2022), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 декабря 2022 г., исключается пункт № 22.